

**MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**

УДК 82:1

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-2-0-6

Ольхов П.А.¹, Федосюк О.А.²,
Липич Т.И.¹, Колесников С.А.³,
Мотовникова Е.Н.¹, Тихомирова Е.Г.⁴,
Шерстюкова Е.В.¹, Ширманова М.Ю.¹,
Номеровский В.О.⁵, Ретинский А.А.¹,
Шевченко В.В.⁵, Чистякова Е.Ю.¹,
Масалов А.Г.¹, Загороднева К.В.⁶,
Бондарев А.А.¹, Мелякова К.Б.¹

Опять Пелевин, опять Уэльбек?
Первые двадцать лет XXI столетия
(материалы «круглого стола», часть 1)¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;

² Российское общество изучения Канады, Хлебный переулок д. 2/3
(Институт США и Канады РАН), г. Москва, 123995, Россия;

³ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
ул. Горького, д. 56а, Белгород, 308024, Россия;

⁴ Донской государственный технический университет, Площадь Гагарина, д. 1,
г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия;

⁵ Белгородская Православная Духовная семинария (с миссионерской направленностью),
Белгородский пр-т, д. 75, г. Белгород, 308009, Россия;

⁶ Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты Звезда, д. 18, г. Пермь,
614000, Россия

Аннотация. В феврале 2020 года редакция журнала «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования» выступила соорганизатором «круглого стола» ведущих и молодых ученых международного научно-исследовательского центра «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» НИУ «БелГУ» (студии практической философии и студии христианской антропологии и социального служения), посвященного современной художественной антропологической прозе Виктора Пелевина и Мишеля Уэльбека. В прозвучавших докладах и их обсуждении затрагивались самые разнообразные аспекты злободневности и актуальности творчества писателей в контексте современных гуманитарных тем и проблем: зеркальность и бесконечность авторского вопрошания Пелевина (С.А. Колесников), само авторство и писательство как проблема в современном мире (Е.В. Шерстюкова), проблема поиска идентичности современным человеком и персонажем в сравнительном литературоведческом ключе (О.А. Федосюк), в гендерном аспекте (Е.Г. Тихомирова) и в утопически-

¹ Первая часть стенограммы «круглого стола», публикуемая в этом номере, посвящена преимущественно творчеству В.О. Пелевина. Вторая часть, где обсуждаются доклады о книгах Мишеля Уэльбека, будет опубликована в следующем, третьем, номере журнала.

гармонизирующей идеализации (Е.Ю. Чистякова), продолжение традиции вечных ценностей и идеализма русской литературы в творчестве В. Пелевина (Е.Н. Мотовникова) и М. Уэльбека (К.В. Загороднева), философия, литература и практика свободы и освобождения разума читателя (М.Ю. Ширманова). В дискуссии затрагивались также вопросы о роли и значении литературной критики для современного читателя, о культурно-исторических параллелях и расхождениях между современной Россией, Западом и Востоком. Редакция публикует полную стенограмму круглого стола в двух частях.

Ключевые слова: Виктор Пелевин; Мишель Уэльбек; автор; читатель; герой; литература; идентичность; просвещение.

Для цитирования: Ольхов П.А., Федосюк О.А., Липич Т.И., Колесников С.А., Мотовникова Е.Н., Тихомирова Е.Г., Шерстюкова Е.В., Ширманова М.Ю., Номеровский В.О., Ретинский А.А., Шевченко В.В., Чистякова Е.Ю., Масалов А.Г., Загороднева К.В., Бондарев А.А., Мелякова К.Б. Опять Пелевин, опять Уэльбек? Первые двадцать лет XXI столетия (материалы «круглого стола», часть 1) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 2. С. 63-93. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-2-0-6

P. A. Olkhov¹, O. A. Fedosyuk²,
T. I. Lipich¹, S. A. Kolesnikov³,
E. N. Motovnikova¹, E. G. Tikhomirova⁴,
E. V. Sherstyukova¹, M. Yu. Shirmanova¹,
V. O. Nomerovsky⁵, A. A. Retinsky¹,
V. V. Shevchenko⁵, E. Yu. Chistyakova¹,
A. G. Masalov¹, K. V. Zagorodneva⁶,
A. A. Bondarev¹, K. B. Melyakova¹

Again Pelevin, again Houellebecq?
The first twenty years of the 21st century
(proceedings of the round table)

¹ Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;

² Russian Association for Canadian Studies, 2/3 Khleby lane,
(Institute of the USA and Canada, RAS), Moscow, 123995, Russia;

³ Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 56a Gorky St.,
Belgorod, 308024, Russia;

⁴ Don State Technical University, 1 Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, Russia;

⁵ Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary orientation), 75 Belgorod Ave.,
Belgorod, 308000, Russia;

⁶ Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russia

Abstract. In February 2020, the editorial office of the *Research Result. Social Studies and Humanities* acted as a co-organizer of the round table of leading and young scientists of the International Research Center "Intellectual History of Russia and Regional Biographical Research" (Belgorod National Research University), dedicated to modern anthropological prose of Victor Pelevin and Michel Houellebecq. The reports and the discussion touched upon the most diverse aspects of the actuality, and relevance of the writers' creativity in the context of modern humanitarian topics and problems, such as: the mirroring and infinity of Pelevin's author's questioning (S. Kolesnikov), authorship itself and writing as a problem in the modern world (E. Sherstyukova), the problem of the search for identity by a modern person and a literary character in a comparative key (O. Fedosyuk) and in a gender aspect

(E. Tikhomirova) and in a utopian idealization (E. Chistyakova), continuation of the tradition of eternal values and idealism of Russian literature in the creative work of Victor Pelevin (E. Motovnikova) and Michel Houellebecq (K. Zagorodneva), philosophy, literature and practice of freedom and liberation of the reader's mind (M. Shirmanova). The discussion also touched upon questions about the role and significance of literary criticism for the modern reader, about cultural and historical parallels and divergences between modern Russia, the West and the East. The editorial board is publishing the full transcript of the round table in two parts.

Keywords: Victor Pelevin; Michel Houellebecq; author; reader; hero; literature; identity; enlightenment

For citation: Olkhov, P. A., Fedosyuk, O. A., Lipich, T. I., Kolesnikov, S. A., Motovnikova, E. N. Tikhomirova, E. G., Sherstyukova, E. V., Shirmanova, M. Yu., Nomerovsky, V. O., Retinsky, A. A., Shevchenko, V. V. Chistyakova, E. Yu., Masalov, A. G., Zagorodneva, K. V., Bondarev, A. A. and Melyakova, K. B. (2020), "Again Pelevin, again Houellebecq? The first twenty years of the 21st century (proceedings of the round table)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (2), 63-93, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-2-0-6

П.А. Ольхов: Уважаемые коллеги, сегодня у нас необычный день, и поэтому начнем мы его с поздравлений. Я хотел бы предоставить слово заведующей кафедрой философии и теологии, доктору философских наук, профессору и исследователю русской философии первой половины XIX века Тамаре Ивановне Липич.

Т.И. Липич: Спасибо. Сегодня у нас в университете на разных площадках празднуют День российской науки. По традиции приглашены многочисленные наши коллеги и добрые друзья из различных научных центров России и зарубежных стран. В главном корпусе идет заседание Научного совета; у нас здесь – круглый стол, в котором принимают участие коллеги из Москвы, Юга России, Урала и, разумеется, белгородские ученые и наша академическая молодежь, – исследователи самых разных интересов и дисциплинарных институций. Не берусь предсказать ход дискуссии, но могу предположить, что состав участников и сама формула разговора обещают нам продуктивный разговор. Думаю, что мы должны быть благодарны журналу «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования» и Центру интеллектуальной истории России, орга-

низовавшим эту встречу, весьма неожиданную для меня. Формула, как я понимаю, Ваша, Павел Анатольевич?

П.А. Ольхов: Не совсем. У нас была довольно жаркая беседа с одним из замечательных молодых ученых и, пусть это не прозвучит оксюмороном, ветераном нашей молодежной студии практической философии, Степаном Сергеевичем Борисовым о коэволюциях российской и французской литератур в российском же, или, точнее, послесоветском культурном пространстве. Идея круглого стола и его первоначальная формула возникли в ходе этой беседы, а потом испытаны в более широком круге собеседников...

Т.И. Липич: Я поначалу оторопела. В этом, на первый взгляд, странном сочетании имен – что общего между авторами «Элементарных частиц» и «Чапаева и пустоты», поначалу думала я, – в этой их внезапной встрече за круглым столом, выйдет ли нечто большее простой игры, эклектической переключки? Я и сейчас не уверена в исходе разговора, но поостерегусь утверждать это категорически. Попробую поддаться магии повтора – эти имена, в самом деле, с некоторой завораживающей частотой вновь и вновь появ-

ляются в нашей интеллектуальной культуре и являются одними из самых популярных. По крайней мере, это их «опять» нуждается в исследовании, насколько мы их современники и читатели. Бывают, как известно, «странные сближенья», которые, начавшись, могут продлиться самым неожиданным образом. Буквально через два дня у нас будет «круглый стол» по теме Л.Н. Толстого и Н.Н. Стрехова, дружба которых продолжалась около четверти века, и без нее нам теперь трудно понимать содержательные глубины основных литературно-философских диалогов эпохи классической русской литературы. Еще совсем недавно, те же два десятилетия назад, многим казалось, что между Толстым и Стреховым нет ничего общего, разве что биографическая связь; теперь же дело дошло до докторских диссертаций. Как знать, каким будет результат того движения мысли, сонаправленной работы наших сознаний, что начинается сегодня... Я очень надеюсь, что доклады и сегодняшняя беседа будут открытием для нашего молодого поколения. У нас здесь студенты, магистранты, в общем, молодые представители самых разных исследовательских направлений и школ мысли, философских и мировоззренческих; готовность к заинтересованному разговору высокая. Я всех поздравляю с этим настоящим событием нашего «дня науки» и хотела бы, чтобы он стал для нас творчески незабываемым. Хорошей нам всем работы!

П.А. Ольхов: Очень хочется, чтобы это был праздник и всего нашего журнала, его большой редакционной коллегии. У нас – первый юбилей: пять лет назад началась история журнала «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования». Он не возник мифологически с некоторой исходной безупречностью; напротив, появившись как проект административный, как некая необходимая форма упорядочения активного исследовательского движения в области социальных и гуманитарных наук, которое тогда развернулось на базе нашего университета. Он и

до сих пор остается журналом, в котором публикуются авторы, в большинстве своем познавательно беспокойные, ищущие своего и своих. Все время, что мы работаем, мы стремились организовать так, чтобы журнал приобрел особенное лицо, особенное направление, особенный концептуальный контур. Теперь, когда прошло пять лет, мы понимаем, что эти поиски были не напрасными, хотя и, повторюсь, далекими от какой-то мифологической концептуальности. Журнал таков, каковы мы: герменевтически настроенный, дисциплинарно оглядчивый. Мне сегодня в голову пришло, что журнал наш за эти пять лет стал походить на «толстые журналы» 60–70-х гг. XIX века, в которых можно было прочитать всё. Все они были немножко «кругозорами», и все же у каждого журнала было свое лицо, у каждого был свой круг авторов, свой круг интересов; будучи кругозорами, они не совпадали между собой. Нам хотелось бы, чтобы и наш не был гордым журналом-одиночкой, засмыслившимся «журналом-в-себе», а находился в состоянии некоторой переключки с другими академическими, периодическими изданиями, – чтобы в журнале нашем всерьез и искренне продолжали публиковаться самые разные участники нашего ни на что не похожего российского гуманитарного пространства и наши замечательные коллеги из Сербии, США, Узбекистана, Казахстана и других стран-собеседниц России.

Но, наверное, пора перейти к делу. Ни Уэльбек, ни Пелевин не являются писателями для масс или, как теперь чаще говорят, топовыми. Но совершенно точно, что и Пелевин, и Уэльбек на протяжении последних 30 лет новейшей российской интеллектуальной истории в этой истории интенсивным образом присутствуют. Они – часть нашей интеллектуальной повседневности. Они почему-то нас увлекают. Мне кажется, что этот вопрос вовлеченности Уэльбека и Пелевина в нашу интеллектуальную повседневность, их способности стать своего рода зеркалом нашей интеллектуальных беспокойств,

тревог или утешений может быть некоторым камертоном вопросом дискуссии. Предложу, на правах модератора, держаться этого вопроса, насколько это возможно, хотя у него масса вариантов, думаю я, будет масса ассоциативных вопросов, близких к этому.

Первая часть нашего круглого стола связана с наследием Виктора Олеговича Пелевина. Он писатель, во-первых, совершенно современный, активным образом работающий последние тридцать лет, то есть во всей новейшей нашей истории российской, 1962 года рождения человек. Во-вторых, он писатель необыкновенно скрытный в отношении своей личной жизни, замкнувший свою жизнь и мышление своими книгами. В этом нет, конечно, никакой особенной исторической оригинальности; это очень понятно для всякого пишущего и знающего, что лучшее в нем – это его тексты. Но это и, без сомнения, интрига для нас. Первое выступление – Сергея Александровича Колесникова, доктора филологических наук, профессора Белгородского юридического института МВД и проректора Белгородской православной духовной семинарии с миссионерской направленностью. Поскольку здесь у нас «круглый стол», я бы хотел сказать с самого начала, что мы не делим жестким образом часть выступлений и дискуссионную часть. Выступления, потом сразу вопросы, реплики и идем дальше, разговариваем.

С.А. Колесников: Пелевин как зеркало зеркал: опыты бесконечного вопрошания

У каждого, кто пожелает заговорить о Пелевине, сложная задача.

Сам Пелевин уже дал всем – и тем, кто его хвалит, и тем более тем, кто его критикует, – весьма образные характеристики. Из последнего достаточно вспомнить фрагмент «iPhuck 10», где Порфирий Петрович дискутировал со своими критиками: Сколько людей, столько кастрюль с несвежими мозгами... Зачем снимать крышку? ... пусть эти славные люди мирно идут на... и далее открытым текстом.

Или еще: «...граждан, дурно отзывающихся о моем творчестве, объединяет одна общая черта. Все они отличаются от дерьма только тем, что полностью лишены его полезных качеств». И это самое удобоприносимое.

Если серьезно, то уместно вспомнить Владимира Вениаминовича Библихина: «Писать о настоящем рискованно, так или иначе будешь задет несовершенством написанного». Поэтому буду стараться использовать некую зеркальность – отражение Пелевина в чьих-то мнениях. Вообще о постмодернизме, и о Пелевине как ярчайшем его представителе, и можно говорить только в отражениях, в «бесконечной интертекстуальности» (Юлия Кристева). Если сами постмодернисты за это, то я тем более не против.

Начнем с хвоста, уроборосно (уроборос – один из самых распространенных символов в постмодерне), с позднего Пелевина, которого, как принято говорить, нет.

Знакова фейковость позднего Пелевина. Знающие его рассказывают байки о том, что все разбитые бутылки на писательских банкетах списывают на Пелевина, который не был на присуждении премии, но на банкете был и бутылки бил. Точнее, это просто *П.* (как «Empire V» или «t»), причем показательна иноязычность названий. Это можно охарактеризовать как уход за пределы – публичности, визуальности, родного языка. В каком-то смысле билингвизм Пелевина – это реинкарнация ситуации с Пушкиным, не говорившим до четырех лет по-русски. Вспомним, что практически единственное интервью Пелевина еще в конце 1990-х – на английском, не на русском. Отказ автора от себя как национального языка и есть тот самый уход в смерть, «смерть автора» (Р. Барт).

Это смерть автора Пелевина; мы присутствуем на его авторской панихиде, автором которой является он сам. Как человека мы Пелевина не знаем, особенно, как человека-автора последних романов. Как автор последних романов, он действи-

тельно, точно по Ролану Барту, умер. Казалось бы, напрашивается вывод о трагедии утраченной личности – но! писать о Пелевине серьезно, в каких-то пафосно-трагедийных тональностях, – это вызывает улыбку, чаще сострадательную, по отношению к самому серьезно пишущему. Иллюстрация из романа «t» к псевдо-серьезности о смерти личности:

«Бог умер. Ницше.

Ницше умер. Бог.

Оба вы педарасы. Vassya Pupkin».

Вообще Вася Пупкин (в английской транслитерации) весьма символический и симптоматичный персонаж, такое дитя своего времени. Мы еще увидим эту детскую тему у Пелевина.

Для благочестивой скорби об умершем авторе-отце – места здесь не находится. Кто-то считает, что литература Пелевину последних лет просто перестала быть интересной. Может быть, это мы, читатели, умерли для него?

Показательным является упоминание в романах Пелевина о книжерах, что подчеркивает технологичность его последних романов. Пред-смерть как желание уйти от оценок своей личности – это симптом. Мы не знаем его как личность, как не знаем личность телевизора, компьютера, смартфона: они главные действующие герои – но без личности – в последних романах Пелевина. Уникальный симптом нашего времени – язык без человека: Алиса, разговаривающая сама с собой.

Самодостаточный Пелевин – но и само-утраченный читатель. Опыт безличности – опасности и соблазны. Мы видим перед собой только текст, а не личность автора. Хорошо это или плохо? Поэтому, если говорить о личном Пелевине, то только как об авторе первых 5-6 романов. Если попытаться алгоритмизировать в цифровой стилистике творческий путь Пелевина (вообще уместно ли сегодня использовать клише «творческий путь»? Чей творческий путь, куда и зачем? Пелевин выводит нас к вопрошанию: а работают ли сегодня литературоведческие категории),

шаг – творческий цикл – его первых романов 3-4 года:

1996 – «Чапаев и Пустота»

1999 – «Generation “П”»

2003 – «Числа» (в составе сборника «ДПП (NN)»)

2004 – «Священная книга оборотня»

2005 – «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре»

2006 – «Empire V»

2009 – «t»

2011 – «S.N.U.F.F.»

Затем начинается ежегодная конвейерная романистика – после 50-летнего юбилея. Тем из нас, кому за 50, это может о чем-то сказать. (Как напоминал в статье «Наука как призвание и профессия» М. Вебер, «Дьявол стар – состарьтесь, чтобы понять его».)

Все последующие романы: 2013 – «Бэтман Аполло», 2014 – «Любовь к трём цукербринам», 2015 – «Смотритель», 2016 – «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами», 2017 – «iPhuck 10», 2018 – «Тайные виды на гору Фудзи», 2019 – «Искусство легких касаний» – уже малочитабельны или фрагментарно-читабельны. О художественных достоинствах текстов Пелевина – нарочитый отказ от художественности. Последние романы – а-художественны и даже антихудожественны.

Общая тенденция варваризации – показательно, после «S.N.U.F.F.» – обнуление культуры. Общее опрощение: «совков» сменяют «пупки», тот самый Вася Пупкин, т.е. люди без принципов. Есть другое определение – нормализация культуры. Меняется представление о норме, меняются романы Пелевина – в этом он глубоко национальный писатель.

И если воспринимать его как национального писателя, то в национальной традиции романа всегда был ряд ключевых тем, одна из которых, конечно, «отцы и дети».

Отцы и дети Пелевина

Зачем нужен писатель в тот или иной момент истории? Проходит период – про-

ходит писатель. Новая эпоха требует новых писателей. В наше время, цитируя Д. Быкова: «Остались одни железные, все пластмассовые умерли». Пелевин – из железного века.

Н.Г. Бабенко отмечала, что у Пелевина «сталкиваются и образуют симбиоз “детское” воображение мифотворца нового времени и постмодернистский “поздний ум”, что порождает еще одну версию конца мира, еще один литературный вклад в современную фазу эсхатологического дискурса» (Бабенко, 2007: 198). В этом парадоксальность детскости и взрослости Пелевина. Пелевин – олддовый хакер человеческих душ, литературный гуру родителей современных young adult, когда те еще были в возрасте своих детей. С другой стороны, он – такой анти-Тургенев, писатель, об колено ломающий проблему отцов и детей, в том смысле, что немало 20-летних относятся к нему с не меньшим пиететом, чем его верные 40-летние читатели.

Но через Пелевина современные дети приходят к литературе – и это заслуга Пелевина. Поэтому ценз 18+ для Пелевина не однозначно полезен.

Религиозность Пелевина или «Что делать?»

Пелевин обживает стыки между реальностями, в его романах зло и добро как оборотничество. Виктор Пелевин в своем романе «t» отчасти возвращается к началам древнерусской книжности и рассматривает художественный вымысел как грех, за который художник слова должен понести наказание. В статье И.В. Кабановой со знаковым названием «Троица по Пелевину: автор – герой – читатель» (Кабанова, 2011) рассматриваются аспекты религиозных взглядов Пелевина, но это уже само по себе постмодернизм, искажение Троицы, у Пелевина все-таки не религиозность. Троица – антипод Матрицы, а Пелевин в Матрице. Язычество «Чисел», числа перешли в цифры, в цифру, цифровизация как сакрализация, цифра как объект поклонения – а потому Р, V, «t» и как кульминация *iPhuck 10*. Цифра как симулякр Бога.

Дм. Быков считает, что основной задачей Пелевина является построение собственной секты, возникновение пелевиниавитов и пелевинианства.

С. Корнев отмечает: Пелевин «постмодернист, и постмодернист классический: не только с точки зрения формы, но и по содержанию... он – самый настоящий русский классический писатель-идеолог» (Корнев, 1997: 244). Так в чем же идеологизм Пелевина – в создании секты? Пустота поглощает Чапаева, русского Бодхитсатву. В Пустоте не возникает мифология, не возникает идеология – но это и нужно Пелевину. Это и есть варианты того, что делать? Пелевинский герой, реализующий свой «культурный дар», имеет карнавальные черты, или клоунство.

Текст Пелевина не столько предзнаменование, сколько *паломничество – ниоткуда в никуда*. По Лосеву, Вера начинается с того момента, когда ты знаешь, что Бог добр. Добр ли Бог для Пелевина? Но все-таки это не столько поиск Бога, сколько презентация опыта проживания без Бога. Пелевин – иллюстрация того, как трудно быть без Бога.

Последний Пелевин – закольцовывающая уроборосность

В начале 80-х годов XX в. в литературе даже появляется новый жанр – киберпанк, призванный создавать пугающие технократические проекты будущего, где информационные технологии подавляют человеческую личность, а вездесущая инфосфера манифестирует новый строй.

Собственно, в *финале*, если это можно как-то вообще завершить:

Почему мы собрались поговорить о Пелевине. Быков настаивает, что устная форма – вне-журнальная, вне-текстуальная, условно-беседовая – это то, к чему будет идти литературная критика, устное рецензирование. Видимо, мы с вами выходим именно на такой формат устно-собеседующего общения, пусть даже в регламенте 7-8 минут.

Романы о читателях – тоже перспектива последнего Пелевина. Не означает ли

это последние времена для читателей, для нас с вами?

Представляется, что Пелевин – не в ответах, Пелевин – в вопросах. Каждое время заслуживает своего вопрошания, и перед нами скорее задача осмыслить: о чем спрашивает Пелевин? Вопрошание о вопрошании Пелевина – некое уходящее в бесконечность многоточие, отраженная сама в себе зазеркальность...

П.А. Ольхов: Перед тем как начнем задавать вопросы, скажу все-таки то, что упустили в начале – стали говорить о Дне науки, о журнале, и как-то пропустили, что сегодня – Пушкинский день, который символическим образом, исподволь тоже становится некоторым историческим зеркалом нашего разговора, вот уже в некоторых репликах Сергея Александровича начал светиться... Прошу вопросы.

О.А. Федосюк: это очень интересное сообщение, но я как-то не очень поняла тезис о том, что автор уже умер. Ведь в модернистской и постмодернистской литературе автора вообще нет, он вообще исчезает. Как мы можем видеть автора в «Чапаеве и Пустоте», «Generation «П»»? Что Вы имели в виду здесь? Где автор?

С.А. Колесников: здесь я отталкивался, конечно, от классического определения Р. Бартом «смерти автора», и Пелевин, на мой взгляд, воплощает как раз эту самую концепцию или эту стратегию «умирания автора», или «убийства автора», тут по-разному можно трактовать. Мне кажется, что каждый его роман – это такой след «умирающего» или уже «умершего автора». И в процессе его написания этот «умирающий автор» каждый раз возрождается и умирает, возрождается и умирает.

О.А. Федосюк: Я автора вообще не вижу, честно.

М.Ю. Ширманова: То есть, пока он пишет, он – автор?

О.А. Федосюк: Автор не должен присутствовать в постмодернистской литературе, его нет. Есть повествование, вот с ним и работайте. То, что писатель хотел

сказать, он сказал в повествовании, какое бы оно ни было.

С.А. Колесников: Так, наверное, не бывает, чтобы повествование было отдельно, а человек был отдельно. Все-таки мы читаем на обложке романа имя автора – «Виктор Пелевин», и деньги он тоже за это получает. Поэтому разорвать окончательно пуповину между автором и произведением – это так хотелось Ролану Барту. Я думаю, наше время показывает, что все-таки между автором и его произведением существует определенная связь, и как бы автор ни хотел умереть, у него это не всегда получается.

П.А. Ольхов: У меня есть небольшая реплика на этот счет. Когда мы говорим о смерти автора в ситуации нашего времени, после Барта, мы вынуждены все время уточнять о каком авторе идет речь. И более того, намеревался ли сам автор, о котором мы говорим, умереть. У Пелевина есть замечательная работа, очень небольшая, которую он написал о Фаулзе: «Джон Фаулз и трагедия русского либерализма». И в этой работе, и в других, мне кажется, автор умирает. Пелевин умирает в том смысле, что он не хочет быть героическим автором. Все-таки когда мы говорим об авторе, мы всегда, так или иначе, предполагаем семантику героизма – автор как некоторое сверхсущество. А в размышлении Пелевина этого принципиально нет: уже и Фаулз должен умереть, и Фаулз связывается с какой-то героической изысканностью мышления. У Пелевина, судя по всему, предполагается, что автор должен перестать (или – у него никогда, в сущности, не получится) быть той исключительностью, той единственностью, которая предполагается героической семантикой автора.

М.Ю. Ширманова: Ну а кто же пишет текст?

П.А. Ольхов: Перо пишет...

М.Ю. Ширманова: Личность или компьютер? Личность-то пишет, а раз личность пишет, гонорар получает, как сказал Сергей Александрович, книжку издает, значит, автор есть. Просто, может

быть, проблема в том, кем он себя считает? И из интервью Пелевина я знаю, что его задача, когда он пишет, – не считать себя писателем; и проблема в том, как он говорит, что, когда пишешь, начинаешь себя считать писателем, а это крайне нежелательно. У каждого из нас есть такое искушение, когда ты работаешь со студентами, есть опасность начать считать себя преподавателем, или когда ты пишешь научную статью, есть опасность начать считать себя философом, или великим ученым, или еще кем-нибудь. Может быть, в этом плане «автор умирает»? Потому что ум-то работает. Ум блестящий, глубочайший. Мы видим действие и работу этого ума, наслаждаемся, включаем свой ум, и у нас общение поучается интересное. Поэтому рассуждение о смерти автора может быть приятно некоторым людям, но если бы Пелевин здесь присутствовал, я думаю, он бы посмеялся.

П.А. Ольхов: Он бы ушел куда-нибудь...

О.А. Федосюк: Ну он же мистификатор!

П.А. Ольхов: Знаете, у Сергея Александровича в выступлении была одна, мне кажется, очень принципиальная позиция: он задался вопросом, работают ли вообще сегодня эффективно «классические» или «неклассические» литературоведческие категории. Я бы хотел, насколько это возможно, уточнить этот вопрос, Сергей Александрович. Можете ли развить это?

Е.Н. Мотовникова: А можно, я еще добавлю к этому вопросу? Можете ли Вы, Сергей Александрович, сказать, что вы знаете кого-то из литературоведов, кто действительно полезен читателю Пелевина? Стоит ли вообще обращать внимание на критику?

С.А. Колесников: Я начну отвечать на вопрос Павла Анатольевича и Вы, Елена Николаевна, собственно, главный мой ответ предварили, потому что вопрос о пользе. Зачем нужна литература? Если мы решим вопрос, зачем нужна литература, то тогда нам, может быть, станет ясным, ка-

кие методы позволяют определить эту самую пользу. Зачем нужна литература, я боюсь, что в рамках сегодняшнего круглого стола не решим. Но мне кажется, что важна сама постановка вопроса, ведь вообще наше время – это время вопросов. Не ответов, а вопросов. Если человек дожил до какого-то вопроса, то уже, наверное, жизнь его прошла не зря. Предназначение современной литературы – это постановка вопросов. Это и есть ответ на вопрос, зачем нужна литература.

Е.Н. Мотовникова: Литературоведы помогают читать Пелевина? Если читать не только Пелевина, но и его критиков, которые его как-то комментируют? Надо ли их еще читать?

М.Ю. Ширманова: Надо читать то, что Пелевин говорит о критиках, этого достаточно. У него есть великолепный пассаж, где он высказывается о критиках, которые его «достали». В «iPhuck 10» он по существу говорит о критиках.

П.А. Ольхов: У меня такое ощущение, что Пелевин уже начинает «играть» с нами, и причем на понижение. Уже всплывают в памяти словечки ненормативные или полу-нормативные, даром, что на английском; в общем, «материально-телесного низа» становится все больше. Может быть, именно поэтому сейчас время переключиться и «предложить» Пелевину-автору встать в некоторое негероическое отношение с «великими традициями» вообще-то жизненно ориентированной русской философии? Это может быть в выступлении Елены Николаевны Мотовниковой, как я понимаю, – она уже начала говорить, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ», Белгород.

Е.Н. Мотовникова: «**Великие традиции» русской философии в творчестве Виктора Пелевина**

Я хочу объяснить, главным образом, замысел своего выступления, довольно краткого, поскольку хочется сегодня побольше послушать пришедших гостей. «Великие традиции» – так иронично писа-

ли о революционно-демократической литературе 60-х гг. XIX века Н.Н. Страхов, в музее которого мы находимся, и его последователь Ю.Н. Говоруха-Отрок, еще один наш известный земляк, журналист, литературный критик. В конце 80х-90х гг. XIX века, в эпоху Александра III, когда революционное движение притихло, когда бунтовщики-зачинщики спрятались за границей, в прессе установился порядок (благодаря цензуре), – бурные 60-е вспоминались людьми как сон. Для кого-то прекрасный, для кого-то страшный, в зависимости от умонастроений пишущих воспоминания. И вот в этих воспоминаниях обнаруживается такая дискуссия о ценностях, о целях этих шестидесятников, об их ошибках, об их заблуждениях, среди которых самые известные, конечно, это их нападки на Пушкина, отрицание значения Александра Сергеевича, память которого мы сегодня отмечаем. Конечно, дикий их совершенно позитивизм в философии и в эстетике. Эти их грехи, признаваемые всеми, невозможно просто отрицать за вождями этого литературного движения – Чернышевского, Писарева и прочих знаменитых и выдающихся людей. Как говорили защитники «великих традиций шестидесятых» (как они сами это называли), не стоит обращать внимание на «нигилистические перегибы» – дух 60-х вспомним и сохраним, дух свободы, прав личности, прогресса. Важно, что в позднейшие времена так называемой «александровской реакции» традиции остались живы в читателях благодаря сохранению этих текстов, что они вдохновляют новые поколения, перечитывающие эти книги. И что через литературу эти высокие настроения вселяются в новых людей, вселяют веру в народ, поддерживают просветительский труд учителей, профессуры, которая в тяжелых условиях работает и ждет, живет и надеется на то, что заря взойдет, «темницы рухнут, и свобода нас примет радостно у входа» и т.д. Главное: «великие традиции» – это духовные идеалы, которые способны выжить и выстоять «в года глухие»,

служить опорой и утешением духовно страждущих, веселить и радовать, когда в жизни этой радости мало.

Мой тезис состоит в том, что в произведениях В.О. Пелевина наше поколение постсоветской интеллигенции, этих же самых преподавателей через 150 лет, так же находит живыми великие традиции – и не отдельной эпохи умственного развития, а всей великой русской классики, золотого века нашей национальной культуры. Действительно, мы находим в них вечные истины мировой литературы, в российском преломлении, которые снова дают нам возможность жить уже 30 лет этой дичайшей цивилизации, которую сегодня упоминали, в которую мы вот-вот выйдем из этих прекрасных стен, из-за этого круглого стола. Мы имеем возможность уединиться с увлекательной книгой, написанной мастерски, изощренно, во всех стилях, которые только возможны технически и технологически. Жанровые поиски, эксперименты, свободное подражание и оригинальные находки – вполне в традиции отечественной литературы. Изощрения формальные сопутствовали в классике авторскому интеллектуальному поиску, а интеллектуальность, философичность – великая традиция великой русской литературы.

Русская классика всегда характеризуется сильнейшим напряжением между не умаляемыми нравственными идеалами и глубоким пониманием живой человеческой души («знающему далеко до любящего, любящему далеко до радостного, радостному далеко до знающего» – восточная, но очень нам близкая и понятная формула), и в современной российской прозе это напряжение лучше всех держит, на мой взгляд, именно Пелевин – несколько не уступая ни со стороны идеалов, ни со стороны трезвого и честного видения состояния души современного человека. Автором (конечно, автором!) заданный, дух этих книг все тот же; как встарь, здесь на идеальной вершине, с которой оценивается всё изображаемое – красота, простота, добро, правда, мудрость, истина, жизнь и

смерть, любовь и богоискательство, если не Бог найденный и обретенный (как было у Пушкина, Толстого, Достоевского, но ведь Пелевин еще не умер). В выступлении Сергея Александровича не случайно мы услышали параллели с Пушкиным, Тургеневым и Чернышевским. Как говорил Сергей Александрович, есть литературные критики, которые считают Пелевина абсолютно классическим русским писателем. И я вижу так же, что в этих книгах гарантировано понимающее сострадание всем: милосердие к «маленькому человеку», как в «Жизни Насекомых», уважение и понимание олигархов в «Тайных видах на гору Фудзи», понимание разумных личностей роботов – Порфирий Петрович в «iPhuck 10» великолепен, я уже не говорю про Каю из «S.N.U.F.F.», которая на порядок лучше всех людей, которые там есть. И пусть, и правильно в этих книжках гарантирован «happy end», ведь и это классическая традиция и сознательный выбор Пелевина, о чем он тоже говорил в знаменитом интервью «Снобу» (2010 г.).

А также в книгах ПВО гарантировано удивление, – чем еще эти книги тоже продолжают традиции великой русской литературы. Удивление абсолютно внезапное. Мое любимое, связанное с чтением Пелевина, удивление – по отношению к роману «t». Н.Н. Страхов в письмах Л.Н. Толстому, обсуждая с ним особенно трудные религиозные вопросы, неоднократно писал, что он удивлен, поражен толстовской способностью «забывать» себя же, каким он был всего несколько лет назад. Страхов говорил, что он, например, помнит всё, помнит, как он стоял маленький в храме, в церкви, и помнит свое чувство, отношение к храму, благоговение и т.д. А Толстой способен себя полностью забывать и переходить на позицию полного себя-отрицания, занимать противоречащую точку зрения и отстаивать ее с той же искренностью, с той же страстностью, с той же всей своей художественной и человеческой мощью, с которой был раньше на другой, на противоположной позиции

(речь идет, например, о радикальном противопоставлении сцен венчания в «Анне Карениной» и в «Воскресении»). И вот из этой феноменальной забывчивости Толстого, в принципе, и сделан этот роман «t». Сделана совершенно умопомрачительная, современная абсолютно история. Но я все время читаю и думаю: неужели Пелевин читал переписку Толстого со Страховым? Не думаю, что обязательно надо было прочитать эту переписку, но он как-то эту удивительную толстовскую черту тонко подметил, как и многие другие. Всё, что он пишет о Толстом, все его «прикольчики», особенности стиля, особенности поведения, даже бытовые, исторические, биографические черты Толстого – удивительно верно схвачены и выражены в этом абсолютно фантазийном и фантазмагорическом романе. Этой мудростью, игрой, изумительной остротой взгляда и воздействия Пелевин мне и нравится.

В.В. Шевченко: Мы решили включиться в разговор, немного почитав разложенные книги. Я не знаю, о каких великих традициях вы говорите? В книгах встречается множество нецензурных слов. Разве это можно назвать великой русской литературой? Со «смертью автора» я полностью согласен.

М.Ю. Ширманова: Я хочу заступиться за Пелевина, сказав, что его можно приравнять к юродивым.

В.В. Шевченко: Сегодня день памяти Ефрема Сирина. Это великий человек, дьякон, он сидел в келье и говорил: я настолько мудрый, Господи, пошли мне человека, с которым я могу пообщаться. И он вышел к городу из своей кельи, и встретил там женщину легкого поведения. Она на него смотрит. Ефрем Сирин говорит: «Ты что, не видишь, я – дьякон. Как ты смеешь на меня смотреть?» Женщина отвечала: «Я от мужа взята, на мужа и смотрю, а ты откуда взят, туда и смотри». Он развернулся, будучи обличаем женщиной легкого поведения. Но книги Пелевина еще хуже!

К.Б. Мелякова: Вы принимаете слишком близко к сердцу то, что пишет Пелевин. Возможно, это просто художественный окрас, стилистика.

П.А. Ольхов: Мне кажется, что этого пока достаточно. Мы обозначили эмоциональную реакцию на Пелевина и давайте пока пойдем дальше. Следующее выступление небольшое, которое, я надеюсь, поможет нам продвинуться в разговоре и понять, что происходит, это выступление Ольги Аркадьевны Федосюк, филолога, переводчика, члена правления российского общества изучения Канады.

О.А. Федосюк: Дуглас Коупленд и Виктор Пелевин: транскультурные перелеты в поисках идентичности

Я должна поблагодарить за приглашение. И хотя я выступала на многих конференциях, в такой аудитории, где присутствуют и философы, и теологи, и деятели церкви, я выступаю впервые. Надеюсь на понимание и моральную поддержку.

Я озаглавила свою презентацию «Дуглас Коупленд и Виктор Пелевин: транскультурные перелеты в поисках идентичности». Начну с того, что проблему идентичности исследовать на материале художественной литературы чрезвычайно сложно. Это очень нелегкая задача. Потому что идентичность зашифрована, ее нужно вытаскивать из глубокого подтекста, из каких-то трудноуловимых сигналов, из не очень понятных эпизодов. Постмодернистская проза делает эту задачу еще более сложной. Здесь несколько ключевых понятий, и первое – это поиск идентичности, но при этом мы не можем рассчитывать на совершенно четкие ответы на поставленные вопросы, их просто нет. Очень часто в данных романах ставится проблема идентичности, но решается ли она – это большой вопрос. Хочу также вначале процитировать Михаила Эпштейна, нашего известного культуролога, который определяет транскультуру как «раздвижение границ этнических, профессиональных, языковых и других идентичностей на новых уровнях неопределенности и вирту-

альности» (Эпштейн, 2002). Здесь два акцента: «раздвижение границ идентичности» и «неопределенность», «размытость», «интерференция», вот об этом говорит М. Эпштейн. Коупленд и Пелевин – писатели одного поколения, они практически ровесники. Виктора Пелевина представлять не надо, ну а о Дугласе Коупленде скажу несколько слов. Он ярчайший представитель современной англоязычной прозы Канады. По первой профессии дизайнер и визуальный художник. Не сразу получил, конечно, признание, но инсталляции его стоят на улицах Ванкувера и в Манитобе, сделаны по заказу соответствующих провинций. Он также и журналист, и писатель. Собственно, я думаю, все знают эту историю, как ему был заказан материал о поколении одним из журналов, он удалился в США на полтора года и написал книгу. Написал книгу, но ее не приняли. Надо сказать, что Канада весьма консервативная страна. Эта книга не была принята, тогда он послал ее в американское издательство и, буквально, проснулся знаменитым. И эта книга «Generation X». Сейчас Коупленд уже признан и как дизайнер, и как визуальный художник; он офицер Ордена Канады, член Королевской академии искусств, имеет почетные степени нескольких канадских университетов, ряд литературных премий, но не главных. Его книги переведены на двадцать два языка в тридцати странах. Коупленд – автор очень многих романов и рассказов, эссе, нескольких сценариев, но в мейнстрим он не вошел, я скажу позднее почему. Он занимает пятое место по тиражам англоязычных канадских писателей в России, общий тираж – 10 000 экземпляров. Это цифры на октябрь 2019 года, данные Книжной палаты России.

Оба писателя экзистенциальны. Я хочу здесь уйти от этой формулировки «национальный писатель». Да, несомненно, Пелевин русский писатель, естественно, так же, как и Коупленд – канадский писатель. Но что важно: это экзистенциальные писатели, они видят сущностно.

Да, предположим, там какие-то детали, какие-то эпизоды нам неприятны, они вызывают смех, но нельзя отрицать, что они смотрят очень глубоко, они проникают в экзистенции жизни. И это отличает их от всех остальных писателей. Это исключительно ценное свойство.

Теперь мы переходим к двум романам: «Generation X» и «Generation “П”». Я хочу сказать, что Коупленд выпустил свой роман в 1990 году. В 1991 году наш журнал «Иностранная литература» перевел этот роман, потом вышло отдельное издание. Книга Пелевина вышла в 2000 году, она считается первым романом, а «Чапаев и Пустота» – вторым в его творчестве. Я не знаю, читал ли кто-нибудь в данной аудитории книгу Коупленда, но я очень советую, потому что в ней даже страницы сформатированы исключительно современно: там идет текст, потом иконки, определения тех терминов, которые он вводит, идут слоганы, т.е. это очень интересный современный текст. В чем я вижу влияние Коупленда на Пелевина? Ну, конечно, в названии, в многочисленных отсылках к западной культуре, точнее, североамериканской культуре. Тут есть и эпиграф из Леонарда Коэна, мы знаем этого известного певца и писателя. Тут есть и высказывания Маршалла Маклюэна “The medium is the message”. Тут есть различные англоязычные слоганы, рекламные тексты и т.д. Да, много есть общего. Самое главное – это поколенческие книги, книги о поколениях канадцев 1990-х гг. и о постперестроечном поколении России. Оба автора схватили настроение, поиски этих поколений.

Что такое роман Коупленда? Это исключительно контркультурный текст. Почему, собственно, Коупленд был воспринят в штывы в Канаде? Потому что его герои протестуют против ценностей среднего класса, а это святая святых. Этот текст воспринимался исключительно как бунтарский. Вкратце сюжет таков: трое молодых людей – один канадец и двое американцев – решают бросить работу. Работа –

это «макрабство», работа с 9.00 до 17.00 – это изнурительный и однообразный труд. Чем больше получаешь денег, тем больше покупаешь – это совершенно монотонный, однообразный круг жизни, он обезличивает. Это, конечно, типичный нонконформизм.

Важно отметить, что главные герои книги постоянно передвигаются по своему континенту. Я назвала свою презентацию «Транскультурные перелеты», так как в книге, в том числе, действительно присутствуют физические перелеты. Для североамериканцев это нормально – герои романа перелетают из Торонто в Палм-Спрингс, а затем едут в Мексику. Начинается роман с того, что один из героев, пятнадцатилетний Энди Палмер, снимает свои сбережения и перелетает из США в Канаду, чтобы увидеть затмение Солнца. Затем он возвращается в США, а потом направляется к своим друзьям в Мексику. Собственно, для героев романа вся альтернатива макрабству – это приобретение гостиницы в Мексике на те сбережения, которые они сделали в результате работы в офисе, и спокойная жизнь после этого. До принятия данного решения герои сознательно стали маргиналами, бросили работу, ушли в себя.

В этом романе поиск идентичности идет в двух направлениях. Во-первых, это поиск личностной идентичности – что ты такое, когда ты лишен «макрабства»? Какое «письмо внутри себя» (по выражению Энди) ты читаешь? Что ты представляешь собой как личность, уйдя от этого всего консюмеризма и т.д.? На этот вопрос не дается определенного ответа. И второе – с какой страной или континентом ты себя идентифицируешь? Национальной идентификации нет – это вообще сложнейшая проблема в канадской литературе в силу колониализма и других факторов. Но есть обретение континентальной идентичности. Если мы вчитаемся в текст, то увидим, что отождествление со своим континентом реализуется посредством физического контакта, слияния с природой. Это очень ин-

тересный момент. В первом эпизоде романа Энди перелетает на самолете в Канаду и, чтобы посмотреть затмение Солнца, ложится на землю и испытывает совершенно необыкновенные ощущения. Этот контакт с землей – признание континента своим. Конец романа: Энди едет в Мексику на машине. Мексика – это «подбрюшье» Северной Америки. Мечта Энди – приехать на Галапосы, острова недалеко от Эквадора, известные своей уникальной экосистемой, чистой природой, редкими животными. Ему хочется лечь на скалы, чтобы только светило солнце, никого не было вокруг, и «пеликаны приносили ему серебряных рыбок». Коупленд «закольцовывает» роман гипотетическим слиянием героя с природой Северной Америки, акцентируя континентальную идентификацию.

Что мы видим у Пелевина? Пелевин нас переносит в постперестроечную Россию. Это начало 90-х гг., расцвет потребительского общества, жесткий прессинг рекламы, масс-медиа, то есть новая реальность для россиян. В отсутствие старой коммунистической идеологии, привычных нравственных ориентиров остро встает проблема личной и национальной идентификации. У Пелевина очень сильно ощущается постмодернистская ирония – он с большой иронией относится к потребительской культуре, которая хлынула в Россию. Поэтому самоидентификация, цитирую, «возможна только через составление списка потребляемых продуктов, а трансформация только через его изменение». Это эпизод романа, в котором Вавилен Татарский вызывает дух Че Гевары с помощью планшетки. Вовчик Малой, другой персонаж романа, говорит: «Нам не хватает национальной и-ден-тичности... Последнее слово Вовчик выговорил по складам». Ему нужна четкая простая русская идея: «Да и сами мы знать должны, откуда родом». Поэтому Вовчик просит Татарского написать «русскую идею размером примерно страниц на пять. <...> Чтобы такую духовность чувствовали, *** [обценная лексика], как в сорок пятом под Сталин-

градом, понял?» Здесь, конечно, Малой идентифицирует себя с советской историей, собственно говоря, но никак не с перестроечным настоящим. Позднее в романе этот персонаж еще раз говорит о национальной идентичности, обращаясь к историческому прошлому страны: «...раньше было православие, самодержавие и народность. Потом был этот коммунизм. А теперь, когда он кончился, никакой такой идеи нет вообще, кроме бабок». Со свойственной ему иронией Пелевин дает собственный ответ на вопрос о национальной идентичности в России 1990-х гг.

Теперь мы переходим к последней части моего доклада, и здесь у нас добавляется европейское измерение. Я имею в виду романы Коупленда «Планета шампуня» (1992) и «Элеанор Ригби» (2005), а также роман Пелевина «Числа» (сборник «ДПП (NN)») (2003). Что дает европейский контекст? Хочу напомнить мысль Ю.М. Лотмана о том, что отношение к западному миру было своеобразным зеркалом и точкой отсчета для русской культуры, средством самоидентификации¹. Для североамериканцев таким «зеркалом» была Европа. Поэтому эта тема в романах рассматривается (тут я ссылаюсь еще на С. Хантингтона, он тоже говорит об этом, только другими словами) по-новому, через паломническую поездку в Европу и любовные отношения с человеком из Европы. Коупленд нам представляет Европу как старый, отживший мир, заикленный на истории. Когда Элизабет, пятнадцатилетняя героиня романа «Элеанор Ригби» сообщает родителям о том, что она хочет поехать вместе с ребятами из класса в Рим, ее отец отвечает, что это (Рим) вчерашний день. В его высказывании проявляется восприятие Европы как безнадежно уста-

¹ «Отношение к западному миру было одним из основных вопросов русской культуры на всем протяжении послепетровской эпохи. Можно сказать, что чужая цивилизация выступает для русской культуры как своеобразное зеркало и точка отсчета, и основной смысл интереса к “чужому” в России традиционно является методом самопознания» (Лотман, 1997).

ревшего мира. И когда Элизабет приезжает в Рим, она понимает, что отец был прав – какая грязь, какая неорганизованность, все совершенно не так, как в Северной Америке.

То же впечатление оставляет Европа у Тайлера Джонсона, протагониста романа «Планета шампуня». Он спрашивает свою французскую подругу Стефани, почему французы так заиклены на истории. Ему совершенно непонятно, почему в Европе столько памятников, столько отсылок к прошлому. А когда Стефани приезжает в Северную Америку, Тайлер провозит ее по городам США и Канады, и во время этой поездки его переполняет гордость: Кремниевая долина, Лос-Анджелес, современный, динамичный образ жизни, скорость, технологический прогресс. Это сопоставление помогает ему найти себя как личность и отождествить себя с Северной Америкой. В данном романе также присутствует физический контакт с природой – когда Тайлер возвращается из поездки в Париж, он выходит в сад своего дома и опускает руки в землю; в этот момент он испытывает ощущение вновь обретенного дома. Вообще Северная Америка предстает родным домом, она дает герою чувство принадлежности.

В. Пелевин в романе «Числа» делает проблему идентичности одной из центральных. Мы помним Степана Михайлова, банкира, у которого роман с англичанкой, Мюс Джулиановной, она работает в его банке референтом-переводчицей. Любопытно, что роман завершается вопросом Степана: «Но кто же я на самом деле?». Кстати, этим же вопросом в эпиграфе начинается роман «Чапаев и Пустота». То есть Пелевин ранний, на мой взгляд, несомненно, фокусируется на проблеме идентичности. Так вот, Степан не понимает, как следует, кто он на самом деле. Мюс как носительница западной культуры помогает ему посмотреть иначе на себя и россиян. Она спрашивает Степана: «Почему вы при своей духовности не протестуете против войны в Чечне?» Мюс не при-

нимает пессимизм, равнодушие, аполитичность россиян. Степан: «Да, мы свиньи!». Что в этом? Он принимает негативную оценку своего народа, и это углубляет его поиски своей сущности. Таким образом, идентичность конструируется в романе посредством интерференции культур, соединения разных представлений.

Я хочу сделать следующее заключение: выходя за рамки своей врожденной культуры, расширяя свое культурное пространство, персонажи рассмотренных нами романов получают возможность задуматься о своей идентичности, сформировать или трансформировать ее, будь это личные, национальные или континентальные тождества. Континентальная идентичность, как правило, реализуется посредством физического контакта с землей, посещения Европы или любовных отношений с жителем/жительницей этой части света.

П.А. Ольхов: Мы разбираемся в ситуации, правда ведь? Мы сейчас не говорим, что Пелевин – это плохо или хорошо. Хотя каждый из нас имеет право на такую оценку, но вопрос иначе стоит. Как так вышло, что в течение последних 30-ти лет Пелевин был одним из самых читаемых? И, более того, что происходит в мире, в котором Пелевин становится своего рода интеллектуальной повседневностью? Когда мы работаем в аудитории или когда мы встречаемся в каких-то общественных структурах, организациях или общинах с людьми, нам, конечно, хочется нарисовать такую идеальную модель. Вот он – человек-студент, и мы с ним будем работать, а вот человек-буддист... Мы хотим работать как бы с «чистыми сущностями». Но сейчас мы в ситуации не «чистых сущностей», сейчас мы в ситуации просто реальной. Есть Пелевин, есть увлеченная Пелевиным масса наших современников, есть вопрос к нам о нашей собственной позиции – а мыто в этой позиции кто? Экзорцисты? Последователи? Еще какая-то позиция? Намто как быть, какую познавательную позицию занять? Вы простите, если это звучит

немного дидактично, просто у нас разный состав. Я думаю, что на такую дидактическую реплику я должен был решиться.

Е.Н. Мотовникова: Для нас же Америка и Европа – это все Запад, это для канадцев и американцев Европа отдельно, а для нас Старый свет, Новый свет – это все Запад. Ольга Аркадьевна, вы говорите об этом физическом контакте с землей, и тут я вспоминаю еще одного супер-писателя нынешнего времени Дж. М. Кутзее с его «Бесчестьем», который тоже находит идентичность свою и утешение в физическом контакте с землей, животными, все что угодно, только не идеи, только не религия, только не буддизм и не что-нибудь еще. А мы, россияне, как и наш Пелевин, не находим утешения в почве, в почвенничестве – как он высмеивает почвенничество Ф.М. Достоевского в «t», как там Достоевский отстреливается от западников – ужасно смешная сцена. Корректно ли здесь выстраивать такую синусоиду: как бы Запад «налетался в эмпириях», в идеях, и заземлился, а мы сейчас как раз на взлете, т.е. мы все время в противофазе: они к земле – мы взлетаем, «перелеты», как называлась ваша презентация. Не только перелеты, но и взлет-посадка. Мы никак не сбалансируемся, не выровняемся, мы не одна цивилизация. Вы об этом что думаете?

О.А. Федосюк: Мы вообще цивилизационно другие, как и Северная Америка цивилизационно другая.

Е.Н. Мотовникова: Не сближаются ли они глобализацией? Вся эта идентификация, массовизация?

О.А. Федосюк: Ну, это наносное, поверхностное. Другие культурные традиции. Вы же помните, что у нас огромный багаж культурный, за нами стоят поколения философов, писателей, например, Л.Н. Толстой. Много всего, а что, собственно, есть в Канаде? Там лет 200 художественной литературе, и первые писатели были британцы. Многие писатели были британцы, которые приехали, потом уехали, некоторые остались.

Е.Н. Мотовникова: И они не чувствуют себя тоже продолжением? Неужели они считают себя новой цивилизацией? Как отрезали – уехали?

О.А. Федосюк: А это был принцип – построить новое общество. Отринуть эти сословия, все старое и отжившее, и построить новое общество и в США, и в Канаде, – там были свои философы, свои экономисты, свои организаторы. Было заложено принципиально новое общество. Поэтому – этот мир кажется странным, чужим, сконструированным, созданным абсолютно по другим лекалам. Это другое общество. Они свободны от сословий, от каких-либо ограничений – это свободное демократическое общество. Поэтому здесь совершенно разные культурные слои, культурный багаж. За их спинами нет почти ничего, а за нашей спиной очень много. Поэтому мы говорим о нашей духовности, о нашем менталитете. Это совершенно справедливо. Разница совершенно цивилизационная, и в этом нет ничего странного. И притом природа Северной Америки необыкновенная, она вся разломами. Даже в Ванкувере поражают горы, река Фрейзер, впадающая в Тихий океан. Здесь есть, действительно, очень много интересного. Канадцы – дети природы, это было первое мое впечатление в Канаде.

К.Б. Мелякова: Получается, что мы в России с нашими богатыми землями, красотою, почему мы не делаем такой акцент на природу?

О.А. Федосюк: Я не знаю, я не могу это объяснить...

М.Ю. Ширманова: Потому что Россия – это Святая Русь!

А.А. Ретинский: Двадцатый век – урбанизация. Из деревни стали выходить в города, легких денег стали искать, в деревне стало неинтересно. В 30-е годы самая беднейшая часть населения – крестьяне, в руках которых было 90 % пахотной земли, были этой земли лишены. Они были сделаны крепостными. 90 % населения до революции – крестьяне. У многих из нас

крестьянские корни, кто-то знает судьбу своих родственников и т.п.

М.Ю. Ширманова: Но мне кажется, что проблема русской идентичности очень легко решается. Как прекрасно сказал Рильке на эту тему: «Все страны граничат друг с другом, и только Россия граничит с Богом». То есть, наша идентичность идет строго по линии богоуподобления, и никакой природы, никаких прочих артефактов национальной культурной русской идентичности нет, потому что у нас идет ориентир на богоуподобление.

А.Г. Масалов: Ольга Аркадьевна, вы говорили о континентальной идентичности как близости к земле, к природе, а включает ли это понятие какие-то категории культуры? Не только природно-географические, но и культурные?

О.А. Федосюк: Нет, не включает, потому что эти герои – они видят только потребительскую культуру, а другой для них не существует, только консюмеризм, против чего они бунтуют. Другого ничего нет. Почему они стали маргиналами? Они все это просто отринули, им ничего не нужно уже больше, только тишина, Галапагосские острова, гостиница в Мексике. Цивилизация городов, урбанизм им не нужны. Значение культуры там совершенно не такое, как у нас.

Е.Н. Мотовникова: А историю Европы они уже не могут воспринять как свою прежнюю прародину?

О.А. Федосюк: В других произведениях, скажем, 70-х гг. XX века намеренно человек, герой едет в Британию, на землю его предков. И делает вывод – эта земля не моя. Много таких рассказов у Элис Манро (Нобелевская премия). Героиня приезжает, видит Шотландию, видит, как они цитируют баллады наизусть, она оторопела: что это? Она не может это воспринять, это не ее, это все чужое. Они уже отрезали пуповину. Они хотят понять, хотят ощутить родственную связь, но, как правило, литература это не показывает.

М.Ю. Ширманова: Получается, у них не народ, а политическая нация, стро-

ящаяся по политическим принципам справедливости, равенства.

П.А. Ольхов: Вопрос о québécois мы можем здесь немного уточнить? Когда Коупленд создает свою странную прозу, в которой больше естественного, чем сверхъестественного, принимает ли он во внимание реальность синтезов? Québécois – это специфическая реальность, это не французы. Квебекцы, франко-канадцы.

О.А. Федосюк: Коупленд этого вопроса вообще не касается. Он же англоязычный писатель. Более того, в одном из своих очерков он говорит о том, что он никакого отношения не имеет к аборигенной культуре и аборигенным народам. Это ему не простили. Он говорит: «Чье это историческое наследие? Это не мое». Это очерк о Ванкувере «Город из стекла», но это не художественное произведение. У него только англоязычная Канада, из того, что я читала. Писатель пишет о том, что он знает.

П.А. Ольхов: И второй вопрос насчет религиозной реальности. У Пелевина все перенасыщено, преумножено многократно в этом отношении. Буддизм переплетается с даосизмом, даосизм переплетается с исламом, вдруг появляется традиционная тема российская, потом она исчезает, он весь в разломах в этом отношении. Отец дьякон Виктор столкнулся с реальностью русского крепкого слова. Есть и эта реальность. Все экзистенциально переплетено. Есть ли что-то похожее у Коупленда?

О.А. Федосюк: Нет, он без этого обходится. Конечно, в «Generation X» можно встретить ненормативную лексику. Но Коупленд как-то выше этого. Это совершенно необязательно, это средство экспрессии совершенно необязательно в художественном тексте.

П.А. Ольхов: Когда вы переводили Коупленда, возникало ли у вас ощущение стилистической дистанции, насколько трудно его переводить?

О.А. Федосюк: Я его не переводила, его переводили другие, но переводили хо-

рошо. Конечно, оригинальный текст всегда интереснее перевода. И всегда лучше передает менталитет, все своеобразие текста. Но, тем не менее, у нас переведено очень много произведений Коупленда. В 2000-х годах он воспринимался как культовый писатель контркультуры у нас. Романы пошли потоком. А сейчас как-то снизился интерес к нему. И этот 10 000-ный тираж – это немного. Лидирует Маргарет Этвуд, у нее гораздо большие тиражи, больше к ней интерес, а также Элис Манро. То есть, есть другие писатели, но это не умаляет значения Коупленда, его способность воссоздать основные тенденции современности. Эти писатели смотрят в корень, что бы они ни писали, какую бы лексику они ни употребляли, нравится нам, не нравится, не можем читать, они, как Л.Н. Толстой, смотрят в корень (хотя эти фигуры несоизмеримы). Они говорят сущностное. Мы лучше понимаем свою жизнь и себя, когда их читаем. Это очень важно, это далеко не всякому писателю под силу, даже серьезному. Это очень редкая возможность у Пелевина – дать нам понять, что такое Россия.

М.Ю. Ширманова: Поэтому Пелевина так и читают, потому что он умеет видеть сущностно и осознанно, но выражает это, как буддист.

П.А. Ольхов: У нас появился еще один мощный тематический мотив, который предложила Ольга Аркадьевна. Может быть, сейчас этот мотив преумножится: Елена Владимировна Шерстюкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации НИУ «БелГУ» (Белгород). Предварительная тема, которую она заявила: «О нарративе, писательстве и еще о многом другом в романе В. Пелевина "t"»

Е.В. Шерстюкова: О нарративе, писательстве и еще о многом другом в романе В. Пелевина "t"

Можно сказать, что роман «t», с одной стороны, – это обыгрывание теории нарратива через акт повествования, т.е.

нарратив о теории нарратива, где в образной форме, посредством метафоры и метонимии сложные теоретические вопросы обретают «плоть и кровь». С другой стороны – роман можно воспринимать как прообраз настоящего мира. По своей форме он напоминает матрешку, в которой один мир находится в другом, а за этим другим следует третий; где автор становится героем, герой – автором, а читатель – и тем, и другим. Главная проблема, которую пытается решить В. Пелевин – это проблема идентичности/неидентичности между взаимопротивопоставленными элементами оппозиций «вымышленный мир – реальный мир», «автор – персонаж», «читатель – персонаж» и проч. В центре повествования находится триада: автор – герой – читатель, которую В. Пелевин-автор исследует вместе с нами-читателями посредством образов, возникающих в нашем сознании и реализуемых героем. Парадокс начинается с того, когда мы вдруг читаем, как главный герой Т. рассуждает о своем читателе и таким образом покидает свою реальность и выходит за рамки своего вымышленного мира. Рассмотрим данную триаду более подробно и обратимся в начале к образу автора.

Прежде, чем изучать соотношение «автор – персонаж», для В. Пелевина важно определить роль писателя, сущность его деятельности. Устами персонажа Ариэля автор говорит, что «весь наш мир создан мыслью Бога» (здесь проводится параллель: автор, создающий фикциональный мир, и Бог, создающий все сущее). «Человек есть история, рассказанная на божественном языке. Писатель, описывая несуществующий мир с помощью алфавита, делает то же самое, что творцы вселенной» (Пелевин, 2017: 79). Таким образом, мы видим Творца и его продукт, т.е. реальность. При этом не важно, будет ли она вымышленной или настоящей. Вместе с тем, интересна позиция В. Пелевина насчет предназначения писателя и исходящего из него целеполагания. Оно, по его мнению, обусловлено той системой нрав-

ственных ценностей, которая доминирует в определенный период времени. Так, например, задача писателей XIX века состояла в том, чтобы, «впитав в себя слезы мира, остро задевать человеческую душу». В XX веке «от писателя требуется преобразовывать жизненные впечатления в текст, приносящий максимальную прибыль» (Пелевин, 2017: 109). Вместе с этим для В. Пелевина остро стоит вопрос об ответственности автора за свое творение: «Писатель есть обезьяна дьявола – он создает тень мира и его обитателей», и за писательство придет расплата – писатели станут героями других романов (Пелевин 2017: 79). Далее В. Пелевин обыгрывает известное утверждение Р. Барта о «смерти писателя»: «Само понятие автора в прежнем смысле исчезло. Романы пишутся бригадами специалистов. Каждый из которых отвечает за отдельный аспект повествования». «А потом этот непонятно кем написанный текст пытается сам что-то такое сочинять и придумывать – ведь просто уму непостижимо» (Пелевин 2017: 110-112). Данная цитата подтверждает мысль В. Пелевина о том, что «не только Боги создают нас, но и мы создаем этих богов так же, как и они нас» (Пелевин 2017: 33). Здесь мы подходим к важному моменту, который В. Пелевин сформулировал следующим образом: «оно (сознание) было чем-то вроде напряжения между полюсами магнита: для его существования нужна была мысль и тот, кто ее думает, иначе сознать было нечего и некому. Поэтому, чтобы сознание не исчезло, следовало постоянно его расчесывать, заново создавая весь магнит» (Пелевин 2017: 157-158). «Расчесывать» следует понимать здесь как необходимость абстрактному существу задавать формы, которые можно воображать и которые после этого начинают существовать или преобразовывать реальность. Развитие этой мысли мы видим в отрывке из диалога графа Т. с Достоевским: «...теперь я создаю себя сам [...]» «А как вы создаете себя и мир?» «Белой перчаткой [...]. Это

была первая зацепка. На самом деле чистейшая условность, но без нее ничего не вышло бы [...]» «[...] Ну да ладно, а что было вторым вашим твореньем?» «Стикс». «С какой целью вы его создали?» «Чтобы перейти его и вернуться в мир». (Пелевин 2017: 207-209). Главный герой усилием воли представляет творческий акт в виде белой перчатки и пера и таким образом в магните возникает «напряжение». Автор и персонаж находятся в зеркальных отношениях, где каждый из них может отражать друг друга, меняться местами и даже быть идентичным друг другу: «Теперь я знаю, где искать истинного автора [...]. Его не надо искать. Он прямо здесь. Он должен притвориться мной, чтобы я появился [...]. Нет никакого меня, есть только он. Но этот “он” и есть я» (Пелевин 2017: 368). Если мы говорим об отношении «создатель» – «творение», то таким образом мы говорим об субъекте и объекте. В данном примере подчеркивается мысль о том, что, заметив «создателя», персонаж из объекта превращается в субъект.

Однако данная оппозиция была бы неполной без инстанции читателя: «Как я мог не видеть этого раньше? Нет разницы, сколько авторов [...]. Кто бы ни придумывал все то, что я принимаю за себя, все равно для моего появления необходим читатель. Это он ненадолго становится мной, и только благодаря ему я есть [...]» (Пелевин 2017: 213). Данная мысль подчеркивает необходимость третьей инстанции, в сознании которой возникает вымышленный мир и «оживает» персонаж. Однако читатель никогда не сможет представить вымышленную фигуру, существование которой еще не было кем-то придумано. «[...] читатель, читающий сейчас эту книгу – такой же призрачный фантом, как мы с вами (здесь: герои романа). В истинной реальности его нет. [...] – Но кто тогда есть? – Только непостижимость, которая видит вас сквозь читателя – так же как читатель только что видел Федьку Пятака сквозь вас, граф» (Пелевин 2017: 341).

Таким образом, отношения в триаде автор – герой – читатель существуют согласно принципу «пустого соответствия», где ничего нет, кроме пустоты (ср. роман «Чапаев и Пустота»), о чем свидетельствует еще одна цитата из романа: *«Но на самом деле есть только один луч, проходящий сквозь все существующее, а все существующее и есть он. Тот, кто пишет Книгу Жизни, и тот, кто читает ее, и тот, о ком эта Книга рассказывает. И этот луч – я сам, потому что я не могу быть ничем иным. Я был им всегда и вечно им буду»* (Пелевин 2017: 373).

А.Г. Масалов: Елена Владимировна, большое спасибо за интереснейший доклад, вы подняли очень интересные темы, которые практически неисчерпаемы. У меня возник один вопрос. Есть триада читатель – автор – герой, в каком отношении они находятся к тексту? Они его творят вместе? Или это текст их порождает?

Е.В. Шерстюкова: Пелевин ответит лучше, чем я. Я зачитаю одно место из его романа. Суть состоит в том, что Т. беседует с Соловьевым, они находятся в тюрьме. Тюремные власти написали разные тексты, для того чтобы люди, сидящие в камере, смотрели на эти тексты и что-то себе представляли, т.е. чтобы эти тексты работали в их воображении. Когда Соловьев и Т. разговаривают о том, кто такой читатель, Т. говорит: «Читателя ведь нет, зачем он нам нужен, какой читатель? Вот есть герой, есть автор, зачем нам читатель?» Соловьев просит его прочитать текст, Т. читает следующий текст: «Пишет раб божий Федька Пятак с Москвы. Зарезал трех солдат за сапоги, завтра сутрева повесят. Прими господе душу...», – прочитал Т. «И что вам по этому поводу приходит в голову?», – спрашивает Соловьев. – «Во-первых, – сказал Т., – непонятно, как Федька ухитрился зарезать за сапоги сразу трех солдат. То ли он резал их спящими, имея виды на три пары, то ли просто стянул сапоги, а убийцей стал, отбиваясь от преследователей... Он как-то очень скомканно описал. Видно, волновался.

– Еще какие-нибудь мысли?

– Ну, можно еще поразмыслить, почему его так звали – Федька Пятак. Возможно, дело было в том, что он оказывал за пятак какую-нибудь низменную услугу – например, подносил крендель с водкой или топил котят. <...> А может быть, он был похож лицом на поросенка. Отлично представляю, кстати – такой драный картуз на голове, непременно коричневый, маленькие хитрые глазки, бегающие из стороны в сторону, и вздернутый носик-пяточок с открытыми ноздрями... И сам невелик ростом.

– Вот, – сказал Соловьев, – уже почти добрались. Ведь прямо как живой. Вы его сейчас увидели в своем воображении, да?

– Пожалуй.

– Очень хорошо. Теперь представьте, что предсмертная запись Федьки Пятака – короткий роман. А сам Федька Пятак – его герой. Кем вы являетесь по отношению к этому роману?

– Читателем.

– Вот именно. Только что читателем были вы сами. Но вы знаете, что возникает в сознании читателя, верно? То, что вы принимаете за свое сознание, есть на самом деле сознание читателя. Это не вы прочли сейчас про Федьку Пятака. Это читатель, в воображении которого мы с вами возникаем...», ну и так далее. Этот фрагмент, как мне кажется, отвечает на ваш вопрос. Воображение слито с творчеством в акте письма-указания на что-то у автора и, встречным образом, у читателя. Все, что было когда-то указано писателем, начинает жить в его воображении, но совсем уже по-другому. И сам текст становится другим.

А.Г. Масалов: Типичный постмодернистский процесс сотворчества читателя и автора в процессе работы над текстом, который принципиально является открытым.

П.А. Ольхов: У Томаса Карлейля была реплика замечательная насчет нарратива – в эпоху, когда никакой нарратологии дисциплинарно не существовало. Если помните, Карлейль – это подвижник ан-

глотыязычной культуры XIX века. Его тогда называли the best thinker of England. У нас его числят больше социальным публицистом, странным экстравагантным историком; как блестящий совершенно писатель он неизвестен, просто плохо на русский переведен. Так вот его афористическая реплика: «Narrative is the linear, action is solid». Когда он говорил это, он имел в виду, между прочим, и то, что есть и другие нарративы, есть открытое сверх-логическому пространство речевых взаимодействий. Так ли это у Пелевина? Его нарратология, его роман нарратива – это роман «горизонтальный» или же роман, который уходит в некоторую «вертикаль» смыслов?

Е.В. Шерстюкова: Почему так интересно читать Пелевина? Именно потому, что эта вот вертикаль, эта многослойность, это такое здание, где ты можешь ходить по этажам и подниматься с одного этажа на другой. Я, например, люблю перечитывать Пелевина несколько раз. Вот, например, «S.N.U.F.F.» я читала пять раз. Я его знаю наизусть, и каждый раз при прочтении я вижу то, что я пропустила, я вижу то, что я не увидела в другой связи. То есть это бесконечный процесс. Я всегда говорю о том, что он запускает своими образами, метафорами, символами процесс мышления, воображения. А воображение – вещь сильная. И поэтому это многослойный, вертикальный текст, состоящий из разных уровней, взаимосвязей.

П.А. Ольхов: В традиции святоотеческой есть некоторое суждение, сквозное для всех святых отцов. Это суждение можно коротко сформулировать так: «не мечтайте». Мечта препятствует жизненной определенности, жизненному развитию, саморазвитию. У меня сейчас возникло ощущение, в ходе нашего разговора, что Пелевин достаточно мечтательный писатель, или это не так? Как вы по своему опыту перечтения многократного разных романов могли бы это комментировать?

Е.В. Шерстюкова: Честно говоря, «мечтатель» в моей системе координат на него не ложится. Я бы сказала, что Пеле-

вин очень актуален и четко реагирует на малейшие изменения в том, что происходит в обществе, в людях. Причем это не поверхность, а глубина. Он даже не просто замечает эти изменения, а предвосхищает. Он настолько точно об этом говорит. Он всегда скептичен, мало когда серьезен, мало когда говорит однозначно о чем-нибудь. Он оставляет нам разные перспективы смыслополагания, но все же не мечты.

П.А. Ольхов: А есть немецкое зеркало для Пелевина? Для англоязычного мира мы нашли такое зеркало – Коупленд, как некоторое зеркало Пелевина, а здесь есть? Г. Фаллада – это зеркало для Пелевина?

Е.В. Шерстюкова: Нет, я бы сказала, что по глубине, конечно, Б. Вербер (это француз). Я сейчас не беру немцев, я бы сказала, что Вербер где-то напоминает Пелевина, но в нем нет глубины пелевинской. Вербер, скорее, энциклопедист начитанный, который берет темы, актуальные для нас, и обсуждает их. Я хочу сказать, что Пелевин почти весь переведен на немецкий язык, и что интересно, «Чапаев и Пустота» переведен как «Мизинец Будды». Потому что если бы на немецкий язык перевели «Чапаев и Пустота», то для них это ни о чем не говорит. Пелевин был соавтором перевода, с ним советовались.

А.А. Ретинский: Насколько в литературе Пелевина стандарты буддизма по части закона кармы, воздаяния показываются? Традиционные средневековые, ложившиеся под влиянием махаяны? Даже если читать развлекательные романы, например, как «Развеянные чары» Ло Гуань-чжуна, там показывается, что отрицательный персонаж злодей был развратный, когда он переродился, то очутился в плохом положении, и тому подобное. То есть, назидательный смысл. У буддистских мирян есть такой этический кодекс, который называется Шила. Не рекомендуется прелюбодеяние, злословие. Закон кармы во всех произведениях, которые существовали для буддистских мирян, всегда излагается. Человек плохо себя ведет – ему плохо

в следующей жизни. Хорошему человеку хорошо, а плохому – плохо...

Е.В. Шерстюкова: В текстах Пелевина, как мне представляется, нет жесткого догматического, или этико-категориального ядра, он совсем не наставителен, скорее «размыт», констеллятивен в этом отношении. Его можно пытаться читать с некоторым определяющим усилием, находить некоего «положительного героя», но потом приходится признаться в том, что усилия были чрезмерными; в какой-то момент понимаешь, что герой-то совсем не положительный, да и герой ли он? У него нет этой наставительной однозначности, он размывает границы между всем важным, предпочитая, чтобы это важное не было чужим, и было – если кто-то стремится его увидеть, важным событием, в слиянии «голосов сознания», как, наверное, мог бы сказать М.М. Бахтин. Буддистским, насколько я в этом смысле, у Пелевина можно назвать видение индивидуально-личностного момента реальности.

В.В. Шевченко: Я читал Никоса Зерваса; говорят, это не один человек. Если вы читали его христианскую трилогию, считается, что авторов несколько, потому что нельзя сочетать глубину святоотеческих духовных принципов и воплощение ее в таком путешествии ребят «Дети против волшебников», в котором группа людей собирается уничтожить Толстого и Достоевского, убить Пушкина и т.д. Я ознакомился с биографией Пелевина, узнал, что он учился в элитной школе, был связан с очень влиятельными людьми в свое время. Вы можете предположить широту и глубину кругозора Пелевина. Может быть, это несколько авторов, группа лиц, которая обладает «гипнозом 90-х», как новая идея нашего современного правительства? У нас же нет своей идеи, а Пелевин, будучи самым читаемым автором, ее создает?

Е.В. Шерстюкова: Мне так тяжело сказать, я думаю, что нет, это один человек. Когда у человека большое творчество, а у Пелевина действительно написано не-

мало книг, в его творчестве тематика менялась и подходы – есть «Пелевин до Пелевина» и «Пелевин после Пелевина» (я этот термин взяла у Г. Гессе и критиков, которые о нем говорят); его раннее творчество отличается от того, что появляется потом, но все равно, эти идеи узнаваемы, и они из книги в книгу как лейтмотивы обыгрываются. Есть индивидуальный стиль автора, который узнается; например, в своей постмодернистской манере он очень любит набоковскую «Лолиту», Н.В. Гоголя, цитирует античных философов, любит Р. Барта, французско-деконструктивистов.

В.В. Шевченко: То есть, вы считаете, что это один человек, который смог «переварить» нашу современность от нулевых до настоящего времени? Он – гений нашего времени?

Е.В. Шерстюкова: Не так много писателей, которые бы переваривали нашу современность, в частности, на рубеже 90-х и в постперестроечный период, и то, что происходит в современном обществе.

П.А. Ольхов: У нас есть выступление, специально записанное для круглого стола Екатериной Григорьевной Тихомировой, доктором философских наук, профессором кафедры философии и мировых религий Донского государственного технического университета (это Ростов-на-Дону). К сожалению, Екатерина Григорьевна не смогла приехать и войти в живой разговор, но запись вполне пространная и, думаю, вполне уместная в нашем обсуждении.

Е.Г. Тихомирова: Множественные реальности и женская тема в “буддизме” Пелевина

Культурный кризис, начавшийся на рубеже XIX–XX вв., не стих в котле двух мировых войн. Политические, экономические, социальные, этические, эстетические структуры культуры до сих пор ощущают мощные афтершоки. В системах ценностей возникают новые разломы, обусловленные перестройкой мировоззрения субъекта: осмыслением меняющегося универсума –

природы, общества и внутреннего мира. Климатические изменения, политические /экономические противоречия, возникновение мирового smart-пространства (smart-субъекта, smart-культуры) – все это в начале XXI в. еще более подтолкнуло процесс поиска новых общечеловеческих ценностей, стабильности Я и культуры. Этот поиск осуществляется субкультурами в разных направлениях, в том числе и в нашей отечественной – наиболее явно – в художественной литературе.

Наши писатели-философы начала эпохи кризиса – Достоевский, Толстой – пытались перекинуть мост над только раз-верзающейся пропастью: искали ответы в высокой нравственности – долге, справедливости, любви, боге. Однако эти культурные столпы, выделенные великими, не стали решением, а только подняли новые вопросы. Литература советского периода смотрела на эту «философию» сквозь красную призму, но данный подход результатов тоже не дал. Ощущение культурной пропасти продолжили воплощать авторы рубежа XX–XXI вв. (Егор Радов, Борис Фальков – околоселевинские писатели, пусть будет упомянут Захар Прилепин и другие «реалисты»). Наиболее яркими работами на пути философского поиска стабильности Я и мира, рефлексии культурного кризиса стали книги В.О. Пелевина.

В 90-х Пелевин был широко известен в среде интеллектуалов – ученых, студентов, читающих и думающих людей. С течением времени его известность уменьшилась – в поклонниках остались только те, кто читал и изучал его с первых книг. Почему так произошло? Изменилась та самая интеллектуальная среда – она стала меньше. Новое поколение совсем другое, заманить его в «устаревший» поиск ответов сложно.

Новое поколение уже не поколение П, даже не X и не Z. Оно не имеет четкой системы ценностей, имеет затруднения с культурной идентификацией. Это поколение smart, у которого нет информационной

подготовки к прочтению подобных пелевинских текстов – нет базовой начитанности, владения понятиями и терминами философии. Сегодняшние молодые люди – сплошь студенты! – вооружены доступом во всезнающий Интернет, в котором совсем не знают, что искать. Новое поколение предпочитает короткие, в пару сотен знаков, «тексты» – посты и комментарии в социальных сетях, заголовки в новостных лентах. Smart-субъект обрел и утвердил для себя клиповое мышление – ограничил себя и свои способности восприятия, рефлексии безграничными возможностями smart-пространства. Однако это поколение имеет ожидания, жаждет духовного роста, ищет свой путь в культурном шторме. Этот поиск молодых близок селевинскому, только располагается теперь в smart-пространстве.

Часть отправных точек поиска субъект современной культуры ищет в околоселевинской проблематике – в духовных практиках индуизма, буддизма, даосизма и др. Пелевин новыми книгами тут же откликается на подобные социокультурные запросы своими идеями, сюжетами и художественной образностью.

Пелевин – неприкрытый ориенталист. Ранние книги писателя – «Чапаев и Пустота», «Священная книга оборотня», «Empire V», «Generation “П”» – гимн Востоку. В специфике восточной философской рефлексии Пелевин видит путь, делающий героя внутренне совершенным.

В начале творческого пути писателя создаваемый им образ Востока имел достаточно четкие очертания – Пелевин почти не отступал от древних мифологических сюжетов, религиозных канонов. В более поздних произведениях «вторжения» Виктора Олеговича в религиозные идеи стали изощренными: более явной стала меметика (формулировка символов и смыслов), добавилась агрессия, а в руки героев писатель вложил новые технологии – например, суперсовременный компьютер iPhuck 10. При этом по-пелевински прочитанный Восток остался в основе тем

же поиском способа разрешения внутреннего конфликта героя, нивелирования противоречия между Я и миром/мирами.

Множественные реальности, в которые попадают персонажи Пелевина – иллюзии, среди которых им нужно распознать истинную реальность – не сковывающую сознание. В буддизме такой реальностью выступает Единое – Брахман. Прийти к нему может только тот, кто разгадал майя – понял и осознал ложные реальности, события, явления в них. Майя имеет структуру и порядок, увидеть которые может только правильно ищущий. В каждой книге Пелевина есть этот калейдоскоп реальностей и поиск Единого: в «Чапаеве» – миры Пустоты, Чапаева, Котовского; в «t» – миры иллюзий героя и авторов; в «Священной книге оборотня», «Empire V», «Лампе Мафусаила» – миры оборотней, вампиров, масонов, галлюцинаций, видений; в «Generation “П”» – начало описания автором цифровых иллюзий майя (и, конечно, наркотические галлюцинации), которые он потом продолжает в «Любви к трем цукербринам», «Лампе Мафусаила» и «iPhuck 10».

В последних книгах, на первый взгляд, увлечение Пелевина Востоком спадает. На самом деле, сюжет об иллюзорности реальностей есть и в «Смотрителе», и в «Лампе», и в «iPhuck 10». Дополняет ее писатель буддийской идеей об иллюзии самотворения бытия. Персонажи создают ее для себя, или для них ее творят другие, но объективное остается неуловимым. Эта линия придает текстам пессимистичности – читателю кажется, что Поиск не имеет смысла. Но в этом и есть Восток, где ценным является Поиск ради самого Поиска, ради вечного движения по пути среди миров. Так Пелевин в своих текстах расфокусирует стабильность нарочито – делает это характерной чертой сюжетных линий. На самом деле, множественные реальности книг писателя – предлагаемое им решение проблем современного рефлексирования отношений я–мир, я–другой, я–сам. Пелевин рекомендует принять как

данность множественность и иллюзорность так, как это сделали на Востоке (Пустота, Татарский, Рама, Т. и др., принимая, становятся свободными). Это приятие способно снять множество конфликтов, в которые вовлечен субъект XXI в. В действительности smart-поколение интуитивно ощущает это и в соответствии с ощущениями строит новое социально-культурное пространство.

Многие вопросы, интересующие современное smart-поколение, Пелевин поднимает с острым, только ему присущим юмором. Некоторые мотивы даже могут показаться издевкой. Таковой выступает, например, женская тема.

В предыдущих своих анализах пелевинского текста я уже отмечала особенность созданных им женских персонажей. Сквозь сюжет всегда проглядывала некоторая жестокость (с позиций прозападных культур), с которой писатель приступал к развороту женской линии в любой книге. Все главные герои в произведениях – мужчины, а женщинам отведены только вторые роли. Казалось бы, здесь сквозит патриархальность: слабый пол, действительно, слаб и выполняет исключительно гендерный ролевой шаблон – кормит, лечит, сочувствует, заботится. Более-менее значимые женские персонажи лишены потребностей тела (или тела вообще). А вот мужские – эротичны, они пестуют не только духовное, но и телесное: следят за внешним видом – бородки, наряды, бренды.

В рассказах (например, «Один вог») Пелевин пишет о женской заикленности на внешнем Я, об отсутствии внутреннего. Женское тело и самоактуализация Я для него несовместимы. Существует либо одно тело, либо только Я (без физиологических особенностей). А вот мужчинам повезло больше – их тела и личности неразделимы, они обладают даже способностями вмещать в себя множество Я (например, персонаж «просто Мария» из психиатрической лечебницы в «Чапаеве и Пустоте»).

Пелевин почти полностью выбрасывает из контекста норму половых отношений между мужчиной и женщиной. Такие эпизоды в книгах можно пересчитать по пальцам. Если такое и происходит в сюжете, то писатель всегда придает постельной сцене смысл духовного роста и просветления мужского персонажа. «Нормальная» телесная любовь с женщиной у Пелевина невозможна. Татарский в «Generation “П”» интересен древней вавилонской богине Иштар, воплощения которой в предметной реальности не существует. Великая Мышь из «Empire V» – не имеет женского тела. А Хули из «Священной книги оборотня» – вовсе не человек, а оборотень без признаков пола. Персонаж для утех из Оленьего парка «Смотрителя» – Юка – надреальна в надреальности. Героиня «iPhuck 10» имеет идеальное оцифрованное Я и тело, и ее эротизм используется не для удовлетворения телесных потребностей, а для творения реальностей (пелевинского аналога буддийской майя). Так, интимное в текстах Виктор Олегович допускает только в качестве проводника идей и смыслов.

Отбирая у женщин телесное, Пелевин следует не природному биологизму матриархата ранних предрелигиозных представлений Востока. Его персонажи – «богини»-демиурги не потому, что их креационистские возможности исходят из «чудесных» физических способностей женщины породить жизнь. Лишенные тела, они творят внешние и внутренние реальности, исходя в творении из своего уровня духовного роста. Но, напомним, женские персонажи в книгах Пелевина всегда на втором плане. Почему писатель отставляет «богинь» в сторону? Ответ отыскивается в буддийской проблематике. Согласно канонам раннего буддизма, женщина должна занимать ведомое положение – она может создать неприятности, страдания или ложные иллюзии. Так, представительницам слабого пола было разрешено вступать в общину, но их монашество качественно отличалось от монашества мужчин: на женщин накладыва-

лись восемь ограничений, среди которых – слушать монахов, отчитываться перед ними, принимать от них наставления и наказания и пр. Ранние буддисты видели одну из причин страданий не в телесных желаниях, а в женщине вообще. Считалось, что женщина, даже находясь в буддийской общине, будучи монахиней, следуя путем просветления, никогда не сможет стать буддой, божеством или слиться с Брахманом. Отсюда и произрастают корни пелевинской вторичности женского.

С ходом времени идея о «вредности» женщин в буддизме претерпела некоторые изменения. Теперь считалось предпочтительным видение человеческого вне зависимости от половой принадлежности. Размышление о гендерной природе было отнесено к следованию по ложному пути иллюзорных реальностей (переключка с «Чапаевым», «Empire V» «Смотрителем» и, конечно, с «iPhuck 10», в которых главные мужские персонажи отстраненно, с минимумом эмоций, рефлексиируют свои связи с противоположным полом). В более позднем каноне – Махаяне – присутствует идея о том, что женщина равна в своих духовных возможностях с мужчиной, но! реализовать их полностью (стать буддой) она сможет, только родившись мужчиной в одной из следующих жизней. Вот такое «равноправие» полов и в буддизме, и в текстах Пелевина. Следование этим идеям объясняет сюжетные линии и их смыслы в отношении женских персонажей.

Конечно, загадочность личности автора, специфика стиля не позволяют толковать данную проблематику однозначно – как его личную маскулинную позицию, помноженную на увлечение Востоком. Вполне может оказаться, что это лишь тонкий сарказм, выражающий отношение Виктора Олеговича к нам.

Таким образом, литературное мировидение В.О. Пелевина основано на специфических особенностях буддийских канонических религиозных представлений. Вместе с тем, характерный «меметический» юмор, детали, взятые из современ-

ного историко-культурного контекста, философская рефлексия делают его тексты крайне актуальными и востребованными, оставляют надежду на заинтересованность ими smart-поколения.

П.А. Ольхов: Сейчас выступление Марины Юрьевны Ширмановой, кандидата философских наук, доцента кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» (Белгород).

М.Ю. Ширманова: Идея и опыт освобождения разума в творчестве Виктора Пелевина

Мы оперируем словами «Пелевин», «романы Пелевина» – поступаем так, будто решаем некую текстологическую проблему, разгадываем некий текст. Но в мышлении каждого из нас идет свой процесс, и Пелевин мой – это не Пелевин Елены Николаевны, и Пелевин Елены Николаевны – это не Пелевин Сергея Александровича, потому что всё свое у каждого. Поэтому сводить дело к формально непротиворечивому «декодированию» Пелевина и его романов было бы, на мой взгляд, опрометчиво. Ключевой, открытый вопрос – это вопрос о встрече с ним, о довольно широко распространенном нежелании расставаться с его романами и ожиданиями всякого нового, очередного пелевинского романа. Мне привычнее язык аксиологических интерпретаций – предположу на этом языке, что понять творчество Пелевина (с которым он сам слит и частью которого он является) мы можем только исходя из его глубинных ценностно-мировоззренческих позиций. Здесь лучше всего вслушиваться в то, что он сам о себе говорит; тогда мы можем уже не интерпретировать его сочинения в своем ключе, в ключе своей мировоззренческой парадигмы или субъективности, а понять, что же он сам хочет сказать, – уточнить глубину его мышления, привлекательность его идей.

Общее место – говорить о Пелевине как о нашем гениальном современнике и, разом, как о легендарной личности. Декодируя этот познавательный диссонанс,

можно было бы применить, в качестве некоего универсального эпистемологического ключа, предположение о его постмодернизме. Но если все же следовать аксиологической установке, то нельзя забыть то, что является общим местом для самого Пелевина и может быть собрано из трех его собственных ключевых высказываний²: «В России критики называют меня постмодернистом» – «Считать себя постмодернистом – это как питаться мясом погибшей культуры» – «По правде сказать, у меня нет никакой необходимости кем-то себя считать». Он может объявить себя буддистом и лексически, эпистемологически соответствовать этому; и в самом деле, его тексты легче всего читать именно как тексты буддиста – это помогает справиться с нашим теоретическим энтузиазмом, ищущим некоторых универсальных характеристик для Пелевина. Мышление Пелевина в ценностно-мировоззренческом отношении не универсально; но именно мышление (прежде всего собственное), само оно составляет предмет интереса и некоторый свободный источник его творчества. Как он говорит об этом сам, «Меня интересует человеческий ум, а это машинка, которая работает достаточно однообразно во все времена. Как и я, вы можете с уверенностью говорить только о происходящем в собственном уме». Пелевин имеет дело с собственным умом и потом пытается понять причины этих мыслей, субъектов влияния на эти мысли, почему эти мысли таковы, кто эти мысли ему внушает или предлагает, и в этом состоит содержание его творчества. Буддист? Или реалист? Его называют постсоветским сюрреалистом,

² В выступлении М.Ю. Ширмановой приводятся краткие цитаты и выражения из различных интервью В.О. Пелевина разных лет, опубликованных на сайтах <http://pelevinlive.ru/>, <http://pelevin.nov.ru/interview/>. Наиболее полное собрание этих бесед см.: 46 интервью с Пелевиным. 46 интервью с писателем, который никогда не дает интервью // Topreading.ru — электронная библиотека [Электронный ресурс] URL: <https://topreading.ru/book-153687-viktor-pelevin-46-intervyu-s-pelevinym-46-intervyu-s.-> – Прим. ред.

постмодернистом, коллективным псевдонимом, наркоманом и даже женщиной («Обо мне говорили даже как о женщине»)… Или мы принимаем, что все-таки есть некий человек с именем Пелевин, который пишет, получает гонорары и дает интервью? Сам Пелевин понимает прекрасно, что все, что говорит вообще человек, – это продукт его личной субъективности. Сейчас мы, говоря о Пелевине, просто продуцируем свои мысли, свои суждения, Ну, интересно друг друга послушать. Но если бы Пелевин здесь случайно оказался, он бы послушал, высказался в присутствующей ему емкой речевой манере (мы помним, что и «сюрреалистическая», обсценная лексика у него тоже в ходу)… дальше можно догадываться, как бы он поступил, но все же вряд ли по какому-то заранее подготовленному, написанному для самого себя сценарию.

Для меня Пелевин реалист, самобытный мыслитель, глубоко, ясно и трезво мыслящий человек, идущий по пути самосознания и духовного освобождения, выражающий свои мысли в художественной форме. Творчество Пелевина для меня – школа здравого смысла. Не думаю, что его реализм нуждается в каких-то финальных определениях. Пелевин имеет дело с реальностью мыслимой, и поэтому под реальностью много чего понимает. Во-первых, это реальность того, что он называет «советским космосом», некоей сферой общих идей. Пелевин анализирует не общественные отношения как социолог или философ, а проникает в мыслительное содержание эпохи, погружается в водный мир идей, которыми жила эпоха, жили люди, и видит источники и течения этих идей. «Я пишу о космосе идей, которые были свойственны советской эпохе, а откуда эти идеи взялись? Они взялись из теории марксизма-ленинизма, которая была внедрена в сознание русских людей методом зомбификации».

В прекрасном эссе «Зомбификация» В.О. Пелевин проводит анализ религиозных практик вуду на Гаити и других ост-

ровах и приходит к выводу, что для того, чтобы быть зомбифицированным, нужно обладать определенным мировоззрением и воспринимать психологический фон. Благодаря этому психологическому фону человек поддается влиянию и допускает власть одного человека над другим. Пелевин подробнейшим образом исследует психологический фон советской эпохи и приходит к выводам, которые можно воспринимать как некую сюжетную иронию над прошлым советского самосознания, к истории которого он и сам был причастен. Но насколько Пелевин сосредоточен на реальности тропа, насколько сводит все дело к этому? Магия, которую применяют при зомбификации вуду, напоминает воспитание советского человека (прием в октябрят, пионеры, комсомол и бытование в этих статусах социальных) именно с точки зрения зомбифицирования личности, когда человек себе уже не принадлежит и попадает в состояние «стиснутого сознания», продукта принудительного «отемнения». Это не оригинальная точка зрения Пелевина, не попытка открыть глаза на советское прошлое – не ирония из полноты другого истинного знания, как бы его ни квалифицировать эпистемологически. Пелевин здесь больше всего переводчик – с языка советской аксиологии на язык буддийской: речь идет о сознании, стиснутом «кармой», или, иначе, возникающем в ситуации ценностной неполноты, несвободы, никак не приобретаемого или утрачиваемого ценностно-мировоззренческого равновесия. Разве это нельзя перевести на язык православного христианства: «стиснутое сознание» – это сознание, утратившее смирение перед полнотой свободного бытия, становится идолопоклонником, поклоняясь стихиям мира сего? Я применяю православную терминологию для того, чтобы проще было понять, потому что если мы сейчас будем на буддистском языке категориальном изъясняться, то я уже ничего не скажу. Пафос его творчества и главная идея – это освобождение от этого состояния «стиснутого сознания».

В наиболее существенных своих произведениях («Empire V», «S.N.U.F.F.», «Жизнь насекомых» и др.) В.О. Пелевин вполне осознанно говорит о том, что сознанию нужно освобождаться, и о том, как нужно освобождаться. В повести «Желтая стрела» – о поезде, который бесконечно идет к разрушенному мосту, – он описывает матричное состояние нашего омраченного, ошибающегося в недоверии к себе, греховного сознания аксиологически, в некотором ценностном произволении: «я хочу сойти с поезда живым», потому что (и Пелевин очень ярко описывает это) на этом поезде едут неживые существа, и периодически они умирают, их из поезда выбрасывают... Повествование сгущает некий несущий, не существующий сам по себе дух смерти личности. Герой этой повести, неслиянной частью которого является Пелевин, хочет сойти с этого поезда живым и сходит, а потом – кто из них? – истолковывает, описывает духовное освобождение в разных своих сочинениях.

Пелевин, как мне кажется, интересен и популярен тем, что он поддерживает людей в их стремлении к свободе и дает образ, дает пример и веру в то, что освобождение возможно. Поэтому он – мыслитель; писатель же он, поскольку это стремление и эта вера, отнюдь не догматическая (даже не нарратологическая, и уж конечно не текстологическая), весь этот опыт духовного освобождения не может обойтись без инстанции передачи. Реалисту оказывается необходима традиция в ее классическом смысле, как некая историческая субстанция смыслопередачи. Писатель-традиционалист, мыслитель-традиционалист передает духовный опыт освобождения тем, кто его читает.

П.А. Ольхов: у нас есть традиция предпринимать некоторые финалы, промежуточные или окончательные финалы, обращаясь к опыту «свежей головы», то есть, к наиболее молчащим людям. У нас сегодня несколько таких «свежих голов», может быть, кто-то хочет высказаться?

А.А. Бондарев: здесь сегодня прозвучало множество точек зрения на Пелевина как писателя и мыслителя, может быть, даже проповедника каких-то идей, прежде всего буддистских в своем основании. Этому есть косвенные свидетельства, например, Борис Гребенщиков говорит, что Пелевин буддист, и они даже в какой-то монастырь вместе летали. Но это, опять же, полумистификация, полуправда. Действительно, в критике такое мнение складывается, что Пелевин всю жизнь пишет одну книгу, в которой подает свои буддистские идеи под разным соусом и пытается их донести современному русскому читателю с позиции современной ему жизни, не используя буддистскую терминологию, потому что это сложно, особенно для нас как людей другой культуры. В этом смысле функция Пелевина больше просветительская, и его в чем-то можно сравнить с бодхисатвой, как святым человеком в буддизме махаяны, который своей жизнью освобождает все другие живые существа. Пелевин своим творчеством помогает человеку осознать свою истинную природу с буддистских позиций. Мы знаем тезис о том, что в буддизме личности как таковой нет, нет субъекта, то кого тогда нужно спасать?

П.А. Ольхов: Спасибо, Артем. Оставим, пожалуй, открытым этот вопрос и смиримся перед регламентом нашего круглого стола. И, впрочем, остережемся перспективы быть, по слову А.Ф. Лосева, «Дедалами речей». Мы так вышли за установленную временную границу разговора, что, кажется, уже начали примерять на себя «дедаловскую форму» подъема к неким «метафизическим истинам» пелевинского мышления, нет? Сделаем перерыв и попробуем продолжить разговор в ином, узьбековском измерении.

Окончание в следующем номере.

Литература

Бабенко, Н.Г. Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 408 с.

Кабанова, И.В. Троица по Пелевину: автор–герой–читатель в романе «Т» // Филологический класс. 2011. №1 (25). С. 15-20.

Корнев, С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 244-259.

Лотман, Ю.М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9. С. 157-169. [Электронный ресурс] URL: <http://philology.ru/literature2/lotman-97.htm> (дата обращения: 5.12.2019)

Пелевин, В.О. «Т». М.: Изд-во «Э», 2017. 480 с.

Эпштейн, М. Транскультура // Проектный философский словарь / сост.: Т.В. Артемьева, И.П. Смирнов, Э.А. Тропп, Г.Л. Тульчинский, М.Н. Эпштейн, 2002 [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/projective/articles/107/transkultura.htm> (дата обращения: 5.12.2019)

References

Babenko, N. G. (2007), *Lingvopoetika russkoy literatury epokhi postmoderna* [Linguopoetics of Russian literature of the postmodern era], Publishing house of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Epshtein, M. (2002), “Transculture” *Projective Philosophical Dictionary*, [Online] URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/projective/articles/107/transkultura.htm> (Accessed: December 5, 2019) (in Russ.).

Kabanova, I. V. (2011), “Trinity after Pelevin: author-hero-reader in the novel ‘t’”, *Philological Class*, 1, 15-20 (in Russ.).

Kornev, S. (1997), “Collision of voids: can postmodernism be Russian and classical? About one adventure of Viktor Pelevin”, *New literary review*, 28, 244-259 (in Russ.).

Lotman, Yu. M. (1997), “Modernity between East and West”, *Znamya*, 9, 157-169, [Online] URL: <http://philology.ru/literature2/lotman-97.htm> (Accessed: December 5, 2019) (in Russ.).

Pelevin, V. O. (2017) “T”, Publishing house “E”, Moscow, Russia (in Russ.).

УЧАСТНИКИ:

Ольхов Павел Анатольевич, главный редактор журнала «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования», доктор

философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; olkhov@bsu.edu.ru

Федосюк Ольга Аркадьевна, филолог, переводчик, член Правления Российского общества изучения Канады, Хлебный переулок д. 2/3 (Институт США и Канады РАН), г. Москва, 123995, Россия; olgafedos@yandex.ru

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; lipich@bsu.edu.ru

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, проректор Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 56а, Белгород, 308024, Россия; skolesnikov2015@yandex.ru

Мотовникова Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; motovnikova@bsu.edu.ru

Тихомирова Екатерина Григорьевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и мировых религий Донского государственного технического университета, Площадь Гагарина, д. 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия; katiaphilos@mail.ru

Шерстюкова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отноше-

ний, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; sherstjukova@bsu.edu.ru

Ширманова Марина Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; shirmanova@bsu.edu.ru

Номеровский Виктор Олегович, священник, студент магистратуры Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), Белгородский пр-т, д. 75, г. Белгород, 308009, Россия; nomerovsky.viktor@yandex.ru

Ретинский Александр Александрович, священник, студент магистратуры кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; ot.aleksandr@bk.ru

Шевченко Виктор Викторович, диакон, студент магистратуры Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью), Белгородский пр-т, д. 75, г. Белгород, 308009, Россия; agedvictor@bk.ru

Чистякова Екатерина Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; chistyakova_e@bsu.edu.ru

Масалов Алексей Геннадиевич, кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг – библиотеки-музея Н.Н. Страхова Научной библиотеки, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; masalov@bsu.edu.ru

Загороднева Кристина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты Звезда, д. 18, г. Пермь, 614000, Россия; zagor-kris@yandex.ru

Бондарев Артем Александрович, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; 780742@bsu.edu.ru

Мелякова Карина Борисовна, студентка факультета журналистики, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; 1294934@bsu.edu.ru

PARTICIPANTS:

Pavel A. Olkhov, Editor-in-Chief of the Journal *Research Result. Social Studies and Humanities*, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; olkhov@bsu.edu.ru

Olga A. Fedosyuk, Philologist, Translator, Member of the Board of the Russian Association for Canadian Studies, 2/3 Khlebny lane, (Institute of the USA and Canada, RAS), Moscow, 123995, Russia; olgafedos@yandex.ru

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; lipich@bsu.edu.ru

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Vice-rector of Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary orientation), Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 56a Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; skolesnikov2015@yandex.ru

Elena N. Motovnikova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; motovnikova@bsu.edu.ru

Ekaterina G. Tikhomirova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University, 1 Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, Russia; katiaphilos@mail.ru

Elena V. Sherstyukova, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology and Cross-cultural Communication, Institute of Cross-cultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia; sherstjukova@bsu.edu.ru

Marina Yu. Shirmanova, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; shirmanova@bsu.edu.ru

Victor O. Nomerovsky, Priest, Master's Degree Student, Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary orientation), 75 Belgorod Ave., Belgorod, 308000, Russia; nomerovsky.viktor@yandex.ru

Alexander A. Retinsky, Priest, Master's Degree Student Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; ot.aleksandr@bk.ru

Viktor V. Shevchenko, Deacon, Master's Degree Student, Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary orientation), 75 Belgorod Ave., Belgorod, 308000, Russia; agedviktor@bk.ru

Ekaterina Yu. Chistyakova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; chistyakova_e@bsu.edu.ru

Alexei G. Masalov, PhD in Philosophical Sciences, Head of the Department of Rare Books of Strakhov Scientific Library, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; masalov@bsu.edu.ru

Kristina V. Zagorodneva, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Humanities, Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russia; zagor-kris@yandex.ru

Artem A. Bondarev, Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 780742@bsu.edu.ru

Karina B. Melyakova, Student of the Faculty of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 1294934@bsu.edu.ru